ЕКАТЕРИНА ВОСТРОВА
ТАТЬЯНА НОВИКОВА
Одинокий
Злой
Мой

Татьяна Новикова
Екатерина Вострова

Одинокий. Злой. Мой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69861535
SelfPub; 2023

Аннотация

Талантливый маг Платон Адрон после неудавшегося черномагического ритуала лишился магии и был посажен под домашний арест. Но пока его родня считает, что несчастный Платон заточен в отцовском имении у чёрта на куличках, Платон, благодаря припрятанным остаткам магии, шарится по всяким мутным местам, где можно сравнительно тайно и дальше проводить опасные ритуалы.Кому что, а вшивому баня, то есть магу – черная магия. Только Платон не рассчитал силы и чуть было не застрял в месте проведения одного из таких ритуалов. Еще чуть-чуть, и он попался бы арбитрам, которые на этот раз точно упекли бы его в тюрьму.***– Итак. У тебя две минуты, чтобы убедить меня сохранить тебе жизнь.Но объясниться я не успела, потому что мужчина вдруг закашлялся, согнулся пополам и рухнул к моим ногам.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 18
Глава 3 39
Глава 4 83
Глава 5 109
Конец ознакомительного фрагмента. 136

Татьяна Новикова, Екатерина Вострова Одинокий. Злой. Мой

Глава 1

– Не бойся, мы не кусаемся, – оскалился гоблин и выпятил острые клыки.

– Да-да, расслабься, крошка, – улыбнулся беззубым ртом леший. – Сейчас с тобой по душам поговорим, хозяину вернем, а там, глядишь, он тебя и отпустит. Если будешь хорошо себя вести, – подмигнул гаденько.

Я лихорадочно осматривала литейный цех, грязный, полный сажи и ржавой арматуры. В печах давно не лили металл, и сейчас они пустовали, черными провалами наблюдая за нами. Здесь было тяжело дышать, словно воздух насквозь пропитался металлом.

Угораздило же меня так глупо попасться!

– Я заплачу. Назовите любую цену.

– Не сомневаемся. Но кто сказал, что нам нужны деньги?

Рука гоблина поползла по моей щеке. Я сцепила зубы и мотнула головой.

– Ну-ну. Строптивая какая. Думаешь, мы тебя зачем сюда

гнали через весь город? – леший скептически цокнул. – Ща мы с тобой хорошо пообщаемся по душам, а потом отдадим хозяину. Он за твою голову много предложил. Ты…

Он осекся, потому что невдалеке что-то заскрежетало. Дверь открылась, что ли? Грохот подтвердил, что кто-то открыл дверь и закрыл её, не особо заботясь о тишине.

– Эй! – гоблин обернулся на звук. – Кто бы ты ни был, выходи!

В трех метрах от нас сквозь металлоконструкции проглядывался силуэт. Высокий. Мужской. Больше я ничего разглядеть не могла. Леший тем временем на цыпочках, по стенке, выставив перед собой пистолет, пошел к этому мужчине.

– Помогите! Пожалуйста! Они держат меня силой! – завопила я что есть мочи и получила оплеуху.

– Заткнись, – прорычал первый мой мучитель.

Человек отреагировал на голос. Застыл на мгновение. А затем… затем он развернулся, собираясь просто выйти, оставив меня здесь. Я аж опешила от такого поворота событий.

К сожалению (или к счастью, тут уж как посмотреть), громила уже направил пистолет в грудь мужчине.

– Далеко собрался? Давай-давай, иди к нам, если не хочешь получить свежую дырку в груди. Ща мы с тобой поболтаем по-братски.

– На вашем месте я бы меня отпустил, – донесся спокойный уверенный тон.

– Как хорошо, что ты не на нашем месте, – заржал го-

блин. – Иди сюда, я тебе сказал!

– Помогите… – ещё раз зашептала я, и от стен пустого цеха голос отразился эхом.

Мужчина поморщился. С секунду он размышлял над чем-то, после чего произнес:

– Мальчики, давайте так: вы убираетесь отсюда, а я делаю вид, что вас не видел. Идет?

«Мальчики» переглянулись и заржали одинаково мерзкими голосами.

– Вообще-то это ты заявился сюда и ещё права качаешь! – крикнул оставшийся со мной леший. – Ты кто такой борзый-то?

– Платон Адрон, – он пожал плечами, делая несколько медленных шагов вперед, приближаясь к нам. – Слышали о таком?

– Адрон? – стоящий рядом со мной увалень пошамкал губами. – Не припоминаю. Какая-то аристократическая фамилия, что ли? Типа намекаешь, что у тебя бабла много? Или что?

Мужчина подошел к ним совсем близко, не боясь пистолета. Осмотрел меня скептически.

– Пригни голову и зажмурь глаза, – попросил со вздохом так, словно ему приходилось делать что-то очень неприятное.

Он щелкнул пальцами, и, повинуясь команде, вокруг нас начал расползаться густой непроглядный туман черниль-

но-черного цвета.

– Что это… – осекся громила с пистолетом, так и не успев выстрелить.

– Устраняю лишних свидетелей, – усмехнулся мужчина, выпуская на волю монстра внутри себя.

Я зажмурилась.

Всё закончилось быстро. До меня донеслись тяжелые шаги. Мужчина подошел вплотную.

– Открой глаза, – приказал он. – Итак. У тебя две минуты, чтобы убедить меня сохранить тебе жизнь.

Я опешила, хотела было дернуться, попытаться бежать, но вокруг меня по щербатому полу ползали большие черные змеи. Они поднимали головы, высовывали языки и угрожающе шипели. Откуда взялись эти твари?

– Минута тридцать, – скучающим тоном напомнил незнакомец.

– Пожалуйста, я никому не скажу, что видела вас здесь. Я сама сбежала, – на секунду я прикрыла глаза, делая над собой усилие. – Год назад угодила в плен к Нику Альбеску. Он ездит по миру…

Но договорить я не успела, потому что мужчина, на которого я боялась поднять глаза, вдруг закашлялся, согнулся пополам и рухнул к моим ногам, прямо на змей. Те же сначала дрогнули, а через мгновение превратились в густой черный туман и исчезли.

“Побери тебя леший!” – выругалась я, вскакивая с пола.

Грудь тяжело вздымалась, ноги были ватными, а руки мелко тряслись от перенапряжения.

Первым порывом было бежать отсюда. Я даже пересекла помещение цеха, в который меня загнали. Подошла к ржавой покосившейся двери… и тут заметила начертанные по кругу руны.

«Да он тут какой-то ритуал проводил! – внутри всё похолодело. – А если ритуал этот тип успел закончить, арбитры зафиксируют выброс темной магии, а тут два трупа».

Я оглянулась на то, что осталось от тех, кто за мной гнался… затем перевела взгляд на неподвижно лежащее тело незнакомца: «…Или три».

Туго сглотнула, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

“Адрон…” – я несколько раз произнесла про себя эту фамилию. Я ее уже где-то слышала. Или путаю?

«Адрон…»

Нет, ошибки быть не могло, я слышала раньше. О неком Адроне пару раз вскользь упоминал Нику. А мой хозяин… бывший хозяин не трудился запоминать имена даже приближенных к нему слуг.

Ругая себя последними словами, снова вернулась к лежащему на холодном полу мужчине. Проверила пульс. Жив.

Если Нику знает этого кого-то, значит, он точно могущественная личность. Ну, или я ошибаюсь, и этот самый Адрон сдаст меня сразу же, как придет в себя.

Вдохнув поглубже, попыталась взять его под мышки, чтобы вытащить на улицу.

“Мавки болотные! Да сколько же он весит?!” – даже с места сдвинуть не получилось. А на вид совсем щуплый. Высокий, но худой. Изможденное бледное лицо, длинные волосы. Только рассмотрев хорошенько, поняла, что они седые, а не белые. Последствие какого-то ритуала? Ведь на вид ему лет тридцать, не больше.

– Ну же, очнись! – попыталась хлестать по щекам, зажала нос.

В какой-то момент Адрон снова закашлялся и поднял на меня мутный взор:

– Помоги мне встать, – что ж, по крайней мере, звучало уже не так зловеще, как предыдущее: «Рассказывай, или убью».

– Я тебе помогу, а ты за это спрячешь меня от Альбеску, идет?

– Понятия не имею, кто это, но будем считать, что договорились, – сквозь зубы прошипел мой новый знакомый.

“Нику говорил не про Адрона? Я все-таки перепутала?” – нахмурилась я, но тут же выбросила это из головы. Сейчас главное было убраться отсюда подальше.

На лбу, как его, Платона выступила испарина, в уголке губ показалась кровь. Откат от ритуала? Я помогла ему подняться, довела до двери.

«Какой же он все-таки тяжелый!»

Мужчина привалился к косяку.

– Сотри руны. – Он тяжело дышал, будто пробежал стометровку, а не прошел с десяток метров по прямой. Неудивительно, что он согласился на помощь. Без меня ему отсюда быстро не выбраться. – Вон там, в углу – ведра. Просто вылей… на них.

Стерев всё, мы наконец вышли. Ветер был промозглым, мелкий дождь грозил перерасти в настоящий ливень.

Платон старался держаться, но с каждым шагом терял силы. Все больше опирался на меня, все сильнее дрожал как при лихорадке, словно сейчас не осень, а лютая зима. Хотя осень и была поздняя, но на улице держалась плюсовая температура. Выбравшись с территории заброшенного завода, мы обошли забор. Там оказался припаркован маленький черный электрокар.

– Водить умеешь? – шепнул он мне.

«Ему настолько плохо?» – с другой стороны, если он умрет по дороге, у меня будет машина.

– Да. Говори, куда ехать.

Адрон сел на пассажирское сиденье, сама я рухнула за руль.

С перепугу перепутала педали, да еще и включила «Драйв» вместо «Реверса».

– Ты же сказала, что умеешь водить, – зашипел Платон не хуже, чем его змеи, болезненно морщась от дернувшейся и тут же заглохшей машины.

Сжала зубы, проглотив колкость, выдохнула и, сориентировавшись, наконец вывернула на дорогу.

– Как выедешь на трассу – налево. Пять километров по прямой, будет мост. Свернешь сразу перед ним, там можно только в одну сторону… – начал было объяснять мужчина, но резко замолчал, закусив губу.

Я, снова заметив кровь у него на лице и то, как мучительная судорога сводит его пальцы, вдавила на газ.

После моста еще минут двадцать пришлось ехать по проселочной дороге, с одной стороны виднелся морской залив, кромка пляжа. Места были очень красивыми, да и к городу, «культурной столице», совсем близко. Но при этом разбитая грунтовка, а по дороге встретилось несколько заброшенных деревянных домов с упавшей крышей и заколоченными окнами, заросшие деревьями поля.

Поэтому, когда мы еще через полчаса приехали к огромному особняку за высоким кованым забором, я растерялась. Ожидала увидеть максимум какую-нибудь сторожку в лесу. А тут… королевский дворец, не меньше.

– Ты тут живешь?

Платон полез в карман, вытащив небольшой брелок. Нажал его – и ворота перед нами раскрылись.

– Быстрее, заезжай, – поторопил он вместо ответа.

Вот только едва мы оказались внутри и ворота за нами закрылись, как воздух вокруг вспыхнул белым светом, а затем осыпался золотыми искрами.

– Что это? – стало не по себе.

Мужчина облегченно откинулся на спинку сиденья, складка меж бровей разгладилась. Он облизал кровь, изогнув кончик губы в полуулыбке.

– Успели, – выдохнул он облегченно.

– Что успели? Объясни хоть что-нибудь, – попросила я, едва сдерживаясь, чтобы не начать истерить. Сейчас я была не в том положении, чтобы что-то требовать. Но напряжение сегодняшнего утра давало о себе знать.

– На дом наложены чары, чтобы я не мог выходить отсюда, – на удивление спокойно ответил мужчина, выбираясь из машины. – Мне их удалось временно снять, и мы успели вернуться до того, как мои силы до конца выдохлись и я перестал удерживать проход.

Он обошел машину по кругу.

– Выходишь? Как насчет обеда? Я голоден как орк.

Мне оставалось только кивнуть.

Попав в просторный холл, я ощутила себя в настоящем музее.

Ничего себе!

Определенно, парадный вход специально был сооружен таким образом, чтобы вводить тех, кто окажется здесь впервые, в священный трепет. Высоченные потолки. Огромные окна. Золото, мрамор. Массивные колонны и парадная лестница, которая вела на второй этаж: вначале одна широкая, затем она разделялась на две, по правую и левую сторону. В

нишах между колоннами проглядывали статуи обнаженных нимф и античных воинов.

Я не удержалась от восхищенного свиста.

Вот это да.

Хозяин же особняка оставался безучастен. Оно и понятно, он тут живет.

– Одежду не снимай, здесь не особо топят, – сказал Платон. – Обувь можешь убрать вон туда.

Сам он тоже разулся и даже проследил, чтобы на полу не оставалось комьев грязи. Чистота была идеальной. Тогда Платон мрачно кивнул каким-то своим мыслям и повел меня по первому этажу. Особо нигде не останавливался и уж точно не спешил расписывать мне все красоты этого места, но мой взгляд выхватывал отдельные детали.

Бесконечные картины и статуи, фарфор и хрусталь. Не особняк, а находка для домушника – в любой угол шагни и найдешь что стащить. Интересно, здесь прибирается целая орда уборщиц? В одиночку такое здание не вычистишь.

Мы оказались в огромной столовой, такой же помпезной, как и всё остальное. Сквозь створчатые окна лился солнечный свет. Да уж, как во дворце какого-нибудь короля.

Платон прошел через столовую и направился в кухню. Тоже большую, но современную, полную техники. Распахнул двери гигантского холодильника, и я рассмотрела на полках какое-то невероятное количество еды. Кастрюли и лотки, контейнеры, сковородки.

Он что, готовит в таких количествах?!! Или у него взята в рабство какая-нибудь кухарка?

Меньше всего Платон походил на доморощенного кулинара или любителя обожраться до состояния нестояния. Хотя кто его знает.

Он не стал спрашивать меня о предпочтениях: просто вытащил несколько посудин и поставил прямо на кухонный стол. Жестом указал, где можно взять вилку, и сам принялся есть отбивную холодной, не особо заботясь о том, чтобы погреть её.

Прямо в уличной одежде. Из сковороды.

Кажется, какие-то условности заботили его меньше всего.

Сама я не была голодна из-за нервов, но заставила себя переложить немного мяса с рисом в тарелку. Жизнь в бегах приучила: если есть возможность – пользуйся. Неизвестно, когда еда подвернется в следующий раз.

Я до сих пор не знала, кто такой этот Платон Адрон и защитит ли он меня от бывшего хозяина, поэтому особых иллюзий не питала. Жить захочешь – что угодно пообещаешь. Вот Платон и пообещал.

Возможно, распрощаться с этим особняком придется уже сегодня.

– Как ты себя чувствуешь?

Вопрос был задан скорее ради приличия, да и чтобы хоть как-то разбавить тяжелое молчание. Стены особняка давили на меня.

– Нормально, – ответил Адрон, который выглядел как угодно, но точно не “нормально”.

Правда, ел он действительно с таким аппетитом, будто в последний раз видел пищу неделю назад. Куда в него столько влезает?!

– Давай кое-что проясним. Ты же меня не убьешь?

– Не имею особенности убивать тех, кто спасает мою шкуру.

Ну, уже хорошо.

– А что насчет моего условия? – я напомнила, мало ли он забыл в приступе боли: – Ты спрячешь меня от Альбеску?

– Я не страдаю провалами в памяти. Но повторюсь: сделаю всё, что в моих силах, хоть и не знаю, кто это такой.

Я пожевала губу.

Звучало не очень-то обнадеживающе.

А если тот Адрон, про которого говорил Нику – это лишь однофамилец Платона? Получается, только зря размечталась?

Какой смысл мне покорно сидеть и ждать, когда бывший хозяин в любой момент может прийти за мной? Сегодня меня выследили его головорезы из низшей нечисти, а завтра он направит кого могущественнее. Или даже решит наведаться сам.

Если у Платона нет никакой власти и он постоянно теряет сознание от бессилия, значит, я всё же ошиблась. Тогда проще сбежать. Кем бы этот мужчина ни был, против Альбеску

ему не выстоять.

– Знаешь, я подумала… Спасибо большое за обед, но, наверное, мне пора идти. Не буду пользоваться твоим гостеприимством. Ты дальше и сам справишься.

Я отставила тарелку и уверенно качнула головой, поднимаясь из-за стола.

– Не-а. Никуда ты не пойдешь.

Это была не угроза, но такой спокойный ответ, в котором читалась полная уверенность в своих словах. Платон не колебался.

– Почему это? Ты что, запретишь мне?

Пф, через окно вылезу, если придется.

Платон вздохнул:

– Я же объяснил: на дом наложены чары. Отсюда никто не сможет выйти просто так. Это невозможно.

– И что ты предлагаешь делать?

Меня охватила легкая паника. Я как будто добровольно угодила в сети, из которых теперь не выбраться.

– Ну, войти сюда тоже проблематично, чары действуют в обе стороны, – без улыбки сказал Платон. – Ты сможешь уйти, когда я восстановлю силы и вновь смогу открыть проход. Пока же подумай: возможно, внутри тебе будет лучше, чем снаружи.

– Если Альбеску выйдет на мой след, то его не остановят никакие чары…

– Ну, пусть заглядывает на огонек, – невесело усмехнулся

Платон.

Что-то в его голосе заставило поверить этому мужчине. По крайней мере, у меня будет небольшая передышка. Низшая нечисть сюда не явится, а чтобы отследить Адрона, найти особняк и связать меня с ним – ещё придется заморочиться.

Кроме того, я попытаюсь выяснить, кто такой этот Платон и что умеет. Чем он может быть мне полезен.

– Ладно, я приму твое предложение. Где мне разместиться?

Платон нахмурился, как будто этот вопрос волновал его меньше всего.

– Выбери любую открытую комнату и спи там. Мне плевать.

Я кивнула.

Можно сказать, это лучший исход из возможных. Ещё утром у меня не было ни единого шанса на спасение. А теперь есть крыша над головой, чары, которые никого не пустят внутрь, а ещё этот мужчина. Не самый приятный собеседник, зато в душу не лезет и с расспросами не пристает.

В целом, меня устраивает.

Смотри-ка, Марьяна, у тебя появилось временное убежище.

Глава 2

Со стороны послышалось тихое жужжание. Я даже не сразу сообразила, что это, а вот Платон напрягся и, сделав несколько шагов в сторону барной стойки, взял с нее… мобильный?

– Вот… – фразу он закончил одними губами, и это явно было какое-то ругательство. Он сделал над собой видимое усилие и взял трубку. – Привет, брат.

Я не слышала, что там ответили, но, учитывая, что Платон отнес трубку в сторону и несколько секунд переждал, прежде чем снова поднести к уху, на том конце провода кто-то был явно недоволен.

– Не понимаю, о чем ты, – тон Платона был скучающим.

А вот я, наоборот, прислушалась со всем вниманием и даже специально подошла ближе. Брат? Еще один Адрон? Или у него другая фамилия? Быть может, он тот самый, что мне нужен?

– Что я делал? Ммм… – Платон изображал глубокую задумчивость. – Я проснулся, позавтракал матушкиной стряпней, принял ванну, прогулялся по саду, почитал Стендаля. Что я тут могу еще делать?

В его голосе было столько искреннего возмущения, что если бы я сама не была живым свидетельством того, что Платон провел утро совершенно не так, то ни за что бы не усо-

мнилась.

Видимо, и на собеседника эта игра сработала, потому что, когда я медленно обошла стол по кругу и подалась ближе, чтобы расслышать, что же говорит тот, голос был обеспокоенным:

– Платон… Твоя душа была на волоске. Я едва удержал ее. Я звонил семь раз. Ты не брал трубку. Что я еще, по-твоему, должен был думать?

– Ну заглянул бы в будущее и узнал бы, ты же умеешь, – безразлично откликнулся Платон.

– Думаешь, я не пытался? Ты опять поставил блок против моей силы! – На этот раз человек на том конце (или, скорее, нечеловек) рявкнул так, что я бы услышала и с другой стороны комнаты.

– Возможно, случайно. – Платон был абсолютно спокоен. – Знаешь, как там отец говорил? Спонтанное проявление силы.

– Леший тебя побери, Платон! Как ты не понимаешь, мы о тебе беспокоимся!

– А вот не надо обо мне беспокоиться, – впервые за весь разговор в голосе мужчины промелькнули хоть какие-то эмоции. Он резко повернулся ко мне, так что я не успела отпрянуть. В глазах явственно читалось: «Подслушиваем?».

Подняла руки вверх, показывая, что сдаюсь, и сделала два шага назад. Зато сколько я всего выяснила. Значит, у моего нового знакомого есть некий брат, и он умеет видеть буду-

щее. Как бы теперь еще уговорить его заглянуть в мое и проверить, нет ли в нем Нику на горизонте.

– Угу. Хорошо… – Платон снова принял скучающий вид. – Да, буду ждать. Если надумаю умирать снова, обязательно предупрежу тебя. До свидания.

Он отключил трубку, а затем недовольно поморщится.

– Надо срочно убрать машину. Мой параноик-брат почувствовал, что мне было плохо, и вызвал врача.

– А сам он сюда не приедет? – я постаралась не выдать своего интереса.

– Нет, это вряд ли.

«Жаль».

Следующие полчаса Платон загонял машину в ангар на краю участка (там внутри оказался целый автопарк из тачек разных марок), затем придирчиво оглядывал местность перед домом.

– Никто не должен знать, что ты выходил? – на всякий случай уточнила я, когда мы уже вернулись внутрь дворца.

– Ты сама догадливость, – с иронией заметил Платон, указывая мне следовать за ним. – Куда бы тебя спрятать…

Он задумчиво провел по губам указательным пальцем, и я невольно отметила, какие у него длинные эти самые пальцы. С такими хорошо быть или пианистом, или хирургом.

– Тут столько комнат, – я пожала плечами, – запрусь в какой-нибудь на верхнем этаже и буду сидеть, пока твой доктор не уйдет.

– Не вариант, – поморщился Платон. – Он синестетик.

– Специалист по аурам? – я присвистнула. Нанять такого дорого стоит. Хотя, с другой стороны, судя по дому и машинам – проблем с деньгами Адрон не имел.

– Угу. В пустом доме он почувствует тебя на раз-два. Хотя тут есть одна экранированная комната, но… – Он недовольно поджал губы, в этот момент с улицы через открытое окно послышался шум шин, крутящихся на гравийной дороге. – Чертов братец, – процедил Адрон и толкнул меня к большому пустующему камину. – Лезь внутрь.

– Что? Но куда, как? – сопротивляться, когда тебя буквально силой толкают, было невозможно, тем более мужчина был гораздо сильнее, но куда надо лезть, я не понимала. Он хочет, чтобы я в трубу спряталась?

– Лезь. – Он затолкал меня, и едва я, согнутая в три погибели, оказалась в камине, сдвинул что-то на полке чуть выше. – Главное – молчи, что бы ни увидела и ни услышала. Поняла?

Не успела я ответить, как каменная стена позади отъехала в сторону, и я провалилась в полутемную комнатку. Я поднялась на ноги, осмотрелась. Дверца, через которую я попала сюда, уже захлопнулась, и на её месте была кирпичная кладка, ничем не отличимая от настоящей.

Посередине стоял огромный дубовый стол, за ним девять массивных стульев. По четыре с каждой длинной стороны и один, с чуть более крупной спинкой, с торца.

Единственный же свет в комнате шел от окна. Хотя на самом деле это было не совсем окно. Я подошла к стеклу, разглядывая в него гостиную, из которой только что попала сюда. С той стороны это было большим зеркалом в золоченой оправе.

Интересно, много в этом доме таких вот комнат? Если останусь тут ночевать, надо будет обязательно проверить все зеркала там, где решу спать, чтобы точно были обычные.

Платон же тем временем взял с полок какую-то книгу. Открыл словно бы наугад и вальяжно уселся в кресло, перекинув ноги через подлокотник.

Доктор показался буквально через полминуты. По тому, как блестел от испарины лоб, как тяжело дышал этот седобородый старик – было ясно, что он торопился. Боялся не успеть. И ожидал увидеть пациента как минимум при смерти.

Невольно в ушах прозвучали слова брата Платона: «Как ты не понимаешь, мы о тебе беспокоимся!». И ведь это было правдой. Я не знала, почему этого мрачного типа тут заперли, но, кажется, так или иначе, ему не желали зла. Ну или, по крайней мере, смерти.

– Александр Анатольевич! Какими судьбами… – Платон вскинул голову, округлил глаза, словно действительно появление врача было самой удивительной вещью на свете.

«Каков артист!»

Доктор же без лишних слов, стараясь не поддаваться на

манипуляции, сразу принялся обследовать пациента. Вскинул руки, вызвав магический свет между ними, и начал водить над Платоном. Затем достал из чемоданчика небольшой металлический прибор и несколько раз покрутил вокруг головы мужчины.

– Будьте так любезны, не соблаговолите ли разрешить… – Платон недобро прищурился. – У вас там на курсах целителей, или где вы там обучались, врачебной этике вообще учат?

– Откуда у вас такая неприязнь к тем, кто хочет помочь? – вздохнул врач, убирая свою железяку. – Как я и говорил, лечение, на котором вы настаивали, не сработало. Вам стало только хуже. Ваш брат очень за вас беспокоится, и я вижу: не зря. Состояние ауры критическое. Удивительно, что вы сейчас еще не на смертном одре, а находите в себе силы язвить.

Александр Анатольевич снова полез было в чемоданчик, но Платон перехватил его руку.

– Мне нужно, чтобы вы продолжили лечение.

– Я продолжу, просто это будет не…

– Это будет то, что говорю я, – отрезал Платон, перебивая доктора.

– С ума сошли? Меня наняли ваши братья, и, если вы сдохните, мне отвечать перед ними.

«Братья?» – моментально зацепилась я. Так значит, Адрон у нас не только Платон и тот, кто видит будущее, но есть еще как минимум один? Любопытно…

– А если не продолжите, я настою, чтобы вас сменили, – голосом Платона можно было морозить лед. – Уверен, ваш оклад вам нравится.

Но Александра Анатольевича оказалось не так просто продавить:

– Хотите, чтобы я ушел – пожалуйста. Никакие деньги не стоят потери репутации. – Он вырвал свое запястье из чужой хватки и принялся закрывать чемоданчик, всем своим видом показывая, что собирается уходить.

Платон на мгновение прикрыл глаза:

– Стойте. – Доктор был крепким орешком и даже сделал несколько шагов к двери. – Стойте, – повторил пациент второй раз и чуть громче. – Давайте попытаемся еще раз. И если уж не поможет…

Александр Анатольевич обернулся и посмотрел хмурым взглядом:

– Один раз, и на этом все. Вам, видимо, нравится себя мучить. Но я на такое не подписывался. Один раз, вы меня поняли?! – грозно потребовал он. – После этого вы успокоитесь и примете то лечение, которое назначу вам я.

– Стану паинькой и разрешу ставить на себе любые опыты, – буквально пропел мужчина.

– Хорошо, – безнадежно кивнул доктор. – Что ж, давайте пройдем к инструментам и поскорее закончим с этой вашей блажью.

Я с огорчением поняла, что, кажется, непонятное, но увлекательное кино отменяется. Жаль, хотелось бы посмотреть, о каком конкретно лечении говорит Александр Анатольевич и почему Платон так сильно цепляется за него. Если оно так опасно, то зачем себя истязать?

Но сейчас они уйдут и…

– Знаете, мне хочется сегодня остаться здесь. Так сказать, энергетика этой комнаты подходит моему нынешнему духовному настрою, – вдруг сообщил Адрон, мельком глянув прямо на меня.

От неожиданности я даже отпрянула к стене, только потом сообразив, что Платон смотрел в зеркало, зная, что за ним – окно. Ну и, скорее всего, он догадывался, что я буду наблюдать за ним, а потому адресовал этот взгляд неспроста.

– Но оборудование уже подготовлено, а если его переносить, то значения собьются… – опять засомневался Александр Анатольевич.

– Ерунда, вы запросто перенастроите всё. Я вас терпеливо жду, док. Не торопитесь.

Платон вновь вернулся к “увлекательному” чтению, тем самым показывая, что решение его окончательное и обжалованию не подлежит. Бубня себе что-то под нос, врач удалился из гостиной.

Получается, Адрон специально хочет, чтобы я увидела, как всё происходит? Или он придумал что-то другое, со мной не связанное? Но зачем ему это?

Вот и не спросишь же. Стой и догадывайся.

На всякий случай я решила смотреть в оба глаза и запоминать всё, что увижу.

Через какое-то время доктор вернулся с ворохом проводов и каким-то непонятным прибором, похожим на большое допотопное радио. Кажется, там даже была шкала с обозначением волн.

– Ну и где вы прикажете проводить наш сеанс? – ворчливо поинтересовался врач. – Нам нужна ровная и твердая поверхность. Не на диване же вы будете лежать.

– Да хоть вот здесь.

Платон смахнул с длинного, но низкого кофейного столика всё, что на нем стояло: какие-то статуэтки, книги, письменные принадлежности. Достаточно проворно для того, кто недавно откидывал копыта, он улегся на столик и трагично скрестил на груди руки. Ноги его при этом свисали со стола в районе колен, и он начал ими смешно болтать.

– Не паясничайте!

– Даже не собираюсь.

Тогда Платон приподнялся и расстегнул куртку, вслед за ней стащил с себя и рубашку, оставаясь в одних брюках. Вид обнаженного мужского тела меня никогда особо не будоражил, но тут я с интересом отметила, что он не худой, как показалось мне сначала – скорее, жилистый. Но все нужные мышцы на месте, и пресс у Платона имеется.

Так, очень надеюсь, что мой новый знакомый не страдает

эксгибиционизмом и не собирается раздеваться догола.

К счастью, нет. Он всего лишь стянул ботинки и закатал штанины, а затем улегся обратно на поверхность стола. Теперь уже абсолютно спокойный, расслабленный.

– Препарируйте, док, – с ухмылкой дал разрешение. – Я весь ваш.

– Это немыслимо… на что я опять подписываюсь… – не успокаивался Александр Анатольевич. – Полное нарушение всех требований проведения данного рода манипуляций. Если кто-то узнает…

Впрочем, ворча и вздыхая, он не забывал опутывать тело Адрона проводами. Квадратики-присоски, от которых они тянулись, уже были налеплены на виски мужчины, в область сердца и на оба запястья. Прямо сейчас он прилаживал присоски в область лодыжек. Чем-то походило на то, как делается ЭКГ. Даже ключевые точки те же самые.

– Никто не узнает, – милым голосом поклялся Платон. – Мы ведь совсем одни. Неужели вы не доверяете своему страдальцу-пациенту? Как я могу кому-то сообщить нюансы вашей такой полезной неоценимой работы?

– Вот только не надо льстить.

– Даже не собирался! – выдохнул с возмущением Платон.

Доктор долго выставлял на “радиоаппарате” какие-то значения. Я не видела отсюда цифр, но запомнила расположение стрелок. Он крутил колдыбахи, поднимал и опускал рычажки. Мне оставалось только впитывать в себя информа-

цию. Не зная даже, зачем конкретно – но жизнь научила запоминать любые мелочи.

После того как врач закончил с настройкой, он принес два непонятных прибора в форме круга и тоже воткнул их в аппарат. Они походили на маленькие, с метр, антенны. Доктор долго расставлял их возле Платона, подтягивая то левее, то правее, пока наконец-то не определился с месторасположением.

– Готовы? – спросил Александр Анатольевич.

– Всегда, – отчего-то осипшим голосом ответил Платон.

Тогда врач потянул на себя красный рычаг… всё тело мужчины как будто пронзило разрядом электрического тока. Он дернулся, выгибаясь дугой. Губы его были сжаты так сильно, что посинели. Из его рта не вырвалось ни вскрика, но кулаки бессильно разжались, когда всё кончилось.

Моё сердце колотилось как бешеное. В горле пересохло, и рот до краев наполнила кисло-соленая слюна. Словно кровь. Я будто сама очутилась на секунду на том столе. Будто почувствовала, как ток проникает под кожу, цепляется за вены.

– Повышаю напряжение, – сообщил доктор, но скорее самому себе, потому что ответа не дожидался.

Второй разряд выглядел ещё страшнее. Платон единой судорогой поднялся со стола и тотчас бессильно рухнул обратно. Грудь его вздымалась тяжело, с лица схлынули все краски. Я заметила, что носом опять пошла кровь.

Боги…

Насколько же ему больно?!

– Может, на сегодня хватит? – Александр Анатольевич навис над ним, совершенно озабоченный. – Вам всё сложнее переносить манипуляции.

– Ещё… док… – прохрипел Платон абсолютно непоколебимым голосом.

Врач покачал головой, но повысил напряжение в третий раз.

Я, не сдержавшись, зажмурилась. Когда из горла мужчины вырвался тихий хрип, моё лицо начало полыхать так, словно к коже поднесли пламя. Жар впивался в правую щеку, опускался к губе. Казалось, что кожа начинает трескаться и покрываться волдырями…

Вдох-выдох.

Нет. Всего лишь почудилось. Всё нормально.

“Марьяна, успокойся”, – приказала самой себе. Нельзя терять связь с реальностью.

Глянула на гостиную. Казалось, что Платон потерял сознание, но по слабому шевелению ресниц я понимала – он всё чувствует.

Александр Анатольевич записывал что-то себе в блокнот, сверяясь с показателями прибора. Я всё ещё пыталась максимально запомнить, как нажаты все кнопки и куда указывают стрелки.

Следом он опять поводил над головой Адрона какими-то штуками, снял все провода, что змеями ползли по телу муж-

чины. Постоял над ним, вздохнул очень тяжело и сказал:

– Это был последний раз, слышите? Если вы не примите моё лечение, а продолжите просить истязать вас ещё и ещё – я уволюсь по собственному желанию.

Платон едва заметно кивнул.

– Даже если вы найдете другого врача, который согласился бы на подобные опыты, то предупреждаю: любая попытка может стать последней. Вы рискуете попросту не перенести следующий импульс, – предрек доктор. – Ваш организм совершенно истощен, ещё немного, и аура пойдет дырами. Вы не лечите себя, а уничтожаете.

– Я в курсе. Закроете за собой дверь? Мне почему-то хочется полежать.

Седовласый мужчина кивнул как-то сочувственно, будто по-отечески. Собрал свой чемоданчик и ретировался.

Страшное оборудование осталось стоять рядом с кофейным столиком.

Некоторое время Платон не вставал, лишь открыл глаза и, не мигая, уставился в потолок. Если бы при этом грудь его не поднималась и не опускалась – я бы решила, что он таки умер, оставив меня в этой тайной комнате навсегда.

Но он дышал.

Наконец мужчина поднялся, опираясь на столик и пол. Его пошатывало. Он направился к камину и высвободил меня.

– Надеюсь, ты не скучала, – произнес без иронии в голосе.

Я заметила на местах, где стояли присоски, покраснение и вздутие, как от легкого ожога. Лицо вновь загорелось огнем, но я подавила в себе этот страх.

Наверное, лучше не задавать ему никаких вопросов первой. Сделаю вид, будто ничего не видела. Спросит – тогда отвечу.

Хотя когда Платон надвинулся на меня и грозно уточнил: «Ты всё запомнила?» – моё сердце ухнуло к пяткам.

– Я… я не подсматривала… – попыталась оправдаться, облизывая пересохшие губы.

– Мне плевать. Ты всё запомнила, что делал док? – повторил он жестко. – Отвечай.

– Думаю, что да, – пришлось признаться.

– Отлично, тогда повторишь это в следующий раз.

Я машинально отшатнулась от этого безумца, который добровольно соглашался себя мучить.

– Ты что, спятил?! Я должна была догадаться, что у тебя проблемы с головой! Даже не надейся! Я не буду этим заниматься. Врач же сказал тебе…

– Врач – просто трусливый дурак, который боится собственной тени и дрожит перед моими братьями, – отрезал Платон. – Если ты хочешь выйти из особняка – мне нужно вернуть силы. Сегодняшнего раза не хватит на то, чтобы снять защиту. Придется повторить.

Он криво ухмыльнулся и стер с подбородка подсохшую полоску крови.

– К счастью, – добавил он, – у меня появился незаменимый помощник. Так как тебя зовут? Напомни-ка, а то я запамятовал.

Свое имя я ему пока не называла, а потому показная вальяжность вопроса походила больше на насмешку. Вроде как теперь, когда я ему действительно понадобилась, можно было и имя спросить.

Немного помедлила. Сказать правду? С другой стороны, Нику вряд ли помнит, как меня зовут. Мучая, он каждый раз выдумывал новую кличку. Так что даже если до него дойдет, что такая-то объявилась в городе, это вряд ли о чем-то ему скажет.

– Марьяна, – вздернув подбородок, назвалась я.

– У Марьяны есть фамилия? —прищурился Платон, оценивающе меня разглядывая.

– Собрался наводить обо мне справки? – я скрестила руки на груди; впрочем, что я потеряю, если скажу правду? – Сциллова. Учти, медицинского образования у меня точно нет. – Я кивнула в сторону жуткой аппаратуры.

– У меня есть. Просто будешь следовать моим указани… – отмахнулся Платон и в этот момент вдруг пошатнулся.

Я кинулась было поддержать, но он уже схватился за спинку кресла. Отвел мою руку в сторону, показывая, что сейчас помощь ему не нужна. На лице мелькнуло упрямое выражение. Он тяжело выдохнул, а затем собрался с силами и выпрямился.

– Но, пожалуй, новый сеанс действительно лучше отложить до завтра.

«Насколько же ему было плохо по дороге сюда, раз он согласился на помощь?»

– Можешь пока… идти, – через силу проговорил мужчина. – Выбери себе комнату, если захочешь есть – где кухня, ты знаешь. Станет скучно – найди чем развлечь себя. В доме есть библиотека.

Наверное, не стоило и предлагать, но я все равно не могла не спросить:

– Тебе точно не нужна помощь?

Вместо ответа он смерил меня таким хмурым взглядом, что стало понятно. Помощь нужна, но справляться он намерен сам.

«Ладно, мне же проще»

– Что ж, тогда до завтра, – и, облегченно сбежав из гостиной, я отправилась осматривать этот без преувеличения дворец в поисках подходящего для ночевки места.

Долго блуждать по коридорам не было никакого толку. Кому лучше, если я заблужусь в этом огромном пустом особняке? Да и настроение сейчас не располагало к созерцанию, несмотря на то, что невольно я все равно сворачивала шею, охватывая взглядом картины на стенах, античные статуи в углах и пролетах.

Поднялась по широкой лестнице на этаж выше и дернула первую попавшуюся дверь.

Это оказалась просторная спальня. Огромная кровать, на которой уместились бы и пятеро, была заправлена красным бархатным покрывалом.

Зашла внутрь, прикрыв за собой дверь, и первым делом проверила висящее в углу зеркало – хвала небесам, оно оказалось самым обычным, за ним никакого окна не было. И, лишь успокоившись насчет этого, заметила стоящую на тумбочке фотографию.

На ней был запечатлен… Платон? Он стоял рядом с рыжеволосой женщиной, обнимая ее собственническим хозяйским жестом, словно утверждая на нее свое право. Уверенно и прямо смотрел в кадр, бросая вызов фотографу, а может, всему миру. Женщина же смотрела на Платона влюбленными глазами и, кажется, была действительно счастлива.

На снимке еще не было седины, длинные темные волосы мужчины были убраны в хвост, а одета пара была несколько старомодно.

Я невольно подняла взгляд на собственное отражение в зеркале. Зеленые глаза, которые раньше были цвета яблока, сейчас потухли и казались серыми. В грязных, забранных в хвост волосах природная рыжина особенно не проглядывала. Лишь кожа на лице выглядела свежей и отдохнувшей, здоровый румянец, никаких мешков под глазами.

Все-таки матирующие чары мне всегда удавались безупречно. Я определенно молодец. Никто не заметит моего изъяна. Лишь я сама знаю о том, какое мое лицо *на самом*

деле.

Поставила снимок обратно на тумбочку и обвела комнату взглядом. Рядом с зеркалом стояло большое мягкое кресло, имелся шкаф в полстены.

Может быть, это спальня хозяина замка?

С другой стороны, больше никаких личных вещей. Хотя, опять же, пыли на поверхностях практически не было. Но, учитывая затворничество Платона и то, что, по его словам, я единственная обитательница замка, кроме него, можно было предположить, что тут какие-то чары для поддержания базовой чистоты.

А когда рядом с кроватью обнаружилась дверь, ведущая в ванную – то мне уже было совершенно наплевать, чья это спальня.

Жаль, полотенец или чего-то похожего нигде не нашлось, шкафы в комнате пустовали, поэтому сняла покрывало с кровати, чтобы потом вытереться им.

Скинула с себя всё и залезла в изящное корыто. Несмотря на то, что оно выглядело как музейная реликвия, произведение искусства – сантехника самая что ни на есть современная. Вот только горячей воды не оказалось, да и банных принадлежностей тоже. Только кусок мыла в мыльнице, которым пришлось смывать себя грязь и усталость.

Впрочем, у Нику приходилось довольствоваться и меньшим, поэтому я все равно радовалась возможности помыться.

Пальцы прошлись по клейму, которым метил Альбеску свою собственность. Меж лопаток, оно не ощущалось, не болело – но я знала, что оно есть. И никогда не исчезнет.

Закутавшись в красное покрывало, чистой, вышла из ванной.

В дверях стоял Платон. Выглядел он уже чуть лучше, но все равно держался за косяк.

Я остановилась, укутываясь сильнее, но мужчина, едва заметив меня, и сам отвернулся:

– Лучше тебе выбрать другую комнату, – тихо попросил он.

– Она твоя? – то, каким голосом была высказана «просьба», лишало даже возможности возмутиться.

Хотя, по сути, он сам сказал: «Выбери любую».

– С чего ты взяла?

– Фото на тумбочке, – я кивнула в сторону зеркала.

Платон нахмурился, проследив за направлением моего взгляда, а в следующий момент вокруг рамки возникло облако черного густого дыма, и та вдруг сама собой перевернулась изображением вниз. Послышался звук треснувшего стекла.

– Неприятные воспоминания? – предположила я.

– Это не мое фото. Это родители. – Платон все еще неотрывно смотрел в ту сторону, где лежала рамка, или, скорее, куда-то вбок. На кресло рядом с зеркалом.

– Они умерли? – едва слышно спросила.

– Нет, просто живут не здесь. – Крылья его носа трепетали, говорить подробнее он был не намерен. Свет в комнате вдруг замигал, но почти сразу вернулся в норму.

“Интересно, проводка тут тоже новая, как и сантехника? Есть смысл беспокоиться?”

– Ладно, хорошо, – смысла спорить я не видела. – Тогда дай мне пару минут, я переоденусь и лягу спать где-нибудь в друго… что ты делаешь?

Платон медленно поднял телефон, переводя взгляд то на экран, то на кресло. Что-то щелкнул, снова посмотрел на экран.

– Всё в порядке? – уточнила я.

– Да, в полном. Просто галлюцинация. – И, произнеся это словно нечто само собой разумеющееся, он развернулся и вышел из комнаты.

«Просто галлюцинация», – эхом повторила я, с подозрением уставившись на кресло. Новый знакомый вызывал всё больше и больше подозрений.

«Псих какой-то…»

Забрав свои вещи и кусочек мыла, чтобы постирать их, я юркнула в соседнюю комнату. Она оказалась почти калькой предыдущей, разве что без покрывала и фотографии.

Сначала я подумывала прогуляться по дому и осмотреться – все-таки нельзя недооценивать моего временного союзника. Кто знает, вдруг мне придется искать укрытие от самого Платона. Да и просто первое правило человека в бегах:

знать местность как свои пять пальцев.

Тем более Адрон сам дал разрешение шляться по комнатам. Вон, хотя бы даже библиотеку найти.

Но, закончив с одеждой и развесив ее там, где нашлось место, я вырубилась, едва добравшись до кровати. Сил куда-то идти попросту не осталось. Лучше встану пораньше.

Глава 3

– Посмотри на себя. – Серп смотрел прямо в упор, сидя в своем любимом кресле в привычной позе – нога на ногу. – Ты жалок. Куда делся сын, которым я гордился?

В первое мгновение Платон опешил. Следующим порывом было призвать силы – даже свет в комнате замигал.

– Ну давай, напугай девчонку. Пусть сбежит, заодно сдав арбитрам, что ты выходил из моего имения. Отправишься прямиком ко мне. – Мужчина наклонил голову, неприятно скалясь. – Или можешь свернуть ей шею прямо сейчас. Убей ее, пока она не сдала тебя. Убей.

«Точно. Отец не может быть здесь. Он в тюрьме. В “Теневерсе”. Мне все это только кажется», – глубокий вдох, выдох. На всякий случай Платон достал телефон и сделал фото. Так и есть. На фотографии стояло только лишь пустое кресло.

– Всё в порядке? – забеспокоилась Марьяна.

Как всё-таки удачно с ней получилось. Она в бегах и вряд ли откажется помогать ему. При этом кто надумает искать ее в фамильном имении Адронов? Правильно, никто. Идеально.

– Да, в полном. Просто галлюцинация.

«Галлюцинации могут быть побочным эффектом проведения ритуала…» – рассуждал он про себя. Нужно немного отдохнуть, закинуться парой пачек снотворного и поспать.

Чтобы никаких снов, никаких мыслей, никаких чувств.

– Так и оставишь ее тут? Слабак! – рявкнул Серп ему вслед, но Платон уже не слушал. Ему нужно отдохнуть перед тем, как начать второй раунд лечения. – Она сбежит и сдаст тебя, идиот!..

…Проснулся он рано. Хотя, учитывая, что ложился еще до шести вечера – получилось, что проспал беспробудно больше двенадцати часов.

Отличное снотворное. Ну и что, что с его метаболизмом пришлось принять всё то, что док приносил на месяц. Надо сказать, чтобы принес еще.

Платон умылся и, пребывая в кои-то веки в приподнятом настроении, пошел завтракать. Даже солнце за окном выглянуло. Кажется, первый погожий денек за всю эту паршивую осень.

Мужчина уже предвкушал, как закончит первый этап лечения, а потом наконец выйдет, чтобы раздобыть нужные ингредиенты для ритуала, который сорвался в прошлую вылазку. Также неплохо было бы для себя приобрести некоторые препараты для восстановления. Док о них и слышать не хотел, так как, видите ли, «слишком токсичные».

Марьяна оказалась на кухне.

Она придирчиво осматривала содержимое холодильника, но, услышав позади себя шаги, напряглась всем телом. Девушка вообще остро реагировала на любые мелочи – Платон

заметил это с самого начала. Неосознанно озиралась, словно пыталась выхватить всё вплоть до деталей. Первым делом, оказавшись в доме, она взглядом нашла окна и двери, а уже потом начала рассматривать предметы – что не укрылось от Платона.

Всё это выдавало в ней беглянку, которая никогда подолгу не задерживается на месте и привыкла анализировать ситуацию быстрее, чем запахнет жареным.

Оно и к лучшему, если вдуматься. С такой будет проще найти общий язык. Ей нужна защита – он предоставит. А в обмен попросит не так уж и много: беспрекословно выполнять его поручения. По крайней мере, пока аура не восстановилась.

Платон с самого начала понимал: док рано или поздно откажется. Это был лишь вопрос времени, когда он заартачится.

Теперь у него появился неплохой заменитель. Почему-то Платон не сомневался: внимательная Марьяна запомнила всё, что нужно.

– Доброе утро, – кивнул он ей.

– Доброе.

Девушка отодвинулась от холодильника. В руках она держала кастрюлю с мясным салатом. На столе дымилась полная тарелка с густым супом-гуляшом. Марьяна не привыкла к легкому завтраку. Она питалась так, чтобы надолго утолить чувство голода – как любое существо в бегах. А ещё Платон

готов был поклясться, что она стянула небольшой кусочек буженины с хлебом и завернула его в салфетку, которая теперь оттопыривала её карман.

Видимо, сказывалась привычка прятать еду на случай, если той не будет.

Платон тоже не страдал отсутствием аппетита, поэтому разделил со своей новой знакомой и суп, и салат, ещё и несколько пирожков добавил. Лишним не будет. Организм должен восстанавливать резервы.

– Тебе стало лучше? – опасливо поинтересовалась девушка, бросив быстрый взгляд на Платона.

– Да, значительно.

– Это хорошо. Ты и выглядишь очень бодро. А как твои силы?..

– Не надейся, – с ухмылкой покачал головой мужчина. – Тебе придется повторить всё, что делал вчера доктор.

– Насчет этого…

Он приложил палец к губам, призывая её к молчанию.

С женщинами всегда сложно. Слишком много опасений, самокопания. Слишком много чувств. Платон как никто другой знал, как эмоции бывают опасны. Потому в своих союзниках предпочитал хладнокровие. Наверняка Марьяна всю ночь думала о том, как будет причинять боль Платону – и заранее корила себя за это.

Поэтому он и предпочитал работать только с мужчинами. Те меньше подвержены морализаторству.

Но Платон надеялся, что такая девушка, как Марьяна, сможет правильно взвесить “за” и “против”. На чашу весов поставлена её безопасность – неужели женские предрассудки возьмут верх над желанием спасти свою шкуру?

– Я гарантирую, всё пройдет нормально. Ты не сделаешь ничего, чего бы я сам не попросил.

– Звучит как какое-то очень непристойное предложение, – нервно хихикнула девушка.

– Если бы. В том, о чем я прошу, нет ничего противоестественного или плохого.

– Бить током – не плохо?!

– Лечение бывает болезненным, такова его суть. Как насчет такого сравнения: чтобы остановить сепсис, нужно ампутировать конечность. Так что ты предпочтешь: мучительную смерть от заражения или ампутацию?

– Глупое сравнение… – пробурчала Марьяна, но больше ничего не сказала.

Ответ был очевиден.

Она принялась намывать тарелками. Платон хотел напомнить, что как минимум есть посудомоечная машина, а как максимум – на дом наложены чары самоочистки. Но решил, что ей нужно привести мысли в порядок.

Ему было не привыкать к такому. Мать много готовила, когда волновалась – а затем тоже собственноручно намывала гору посуды. Предложить ей помощь в такой момент было равносильно смертельной обиде.

Вот ещё одно странное женское свойство: напрягаться физически, чтобы заглушить переживания душевные.

– Кстати, ты осмотрелась?

Он скорее не спрашивал, а утверждал. Платон понимал: бдительная Марьяна должна была излазить дом вдоль и поперек. Пусть лазает, если так ей будет спокойнее. Какое-то доверие между ними всё же должно сложиться, а проще всего заполучить его, продемонстрировав: мне нечего от тебя скрывать.

– Немного.

– Я рад. Тогда не запутаешься, куда идти. Заканчивай с посудой и приходи, – скептически глянул на губку в пальцах Марьяны. – Я пока верну изначальные настройки.

– Может быть, займемся этим позже? – девушка поежилась. – Например, ближе к вечеру? Мне нужно морально подготовиться. Я, знаешь ли, раньше людей не пытала.

– Это не пытка, а я – не человек. Марьяна, послушай. Ты не сделаешь одолжение пациенту, если дашь ему время попрощаться с ногой. Режь, пока заражение можно остановить.

Девушка очень медленно кивнула.

Она пришла через полчаса. Юркнула в гостиную так, будто опасалась быть замеченной. Бегло глянула на зеркало-стекло из потайной комнаты.

– Там никого нет, – “успокоил” её Платон.

– Догадываюсь, – буркнула Марьяна, не приближаясь к оборудованию.

Кто виноват, что аура любого существа, будь то человек, оборотень или орк, связана с электрическими импульсами? Потому проще и быстрее всего она восстанавливается, если знать верное расположение точек в организме и прицельно ударять в них.

Платон снял рубашку и лег на столик, как бы приглашая присоединиться. Марьяна нависла над ним мрачнее тучи. Взялась за один из электродов, начала перебирать провод.

Она очень волновалась. Это читалось в каждом движении.

– Перестань. Быстрее начнем – быстрее закончим.

– Главное – не закончить совсем, – сумрачно предрекла Марьяна. – Слушай, а правда, если тебе станет плохо, что делать?

– Мне не станет плохо.

– Ну а вдруг?

– Никакого “вдруг”. Запомни: ни в коем случае не прерывай сеанс. Я сам дам знать, когда можно завершать.

– А если ты умрешь? Доктор сказал…

Боги!

Этот доктор – пугливый идиот, который не заслуживает носить звание врача. Перестраховщик, боящийся даже чуть-чуть выйти за грань.

Запугал своими бреднями девчонку, и она теперь фантазирует, как Платон испустит последний дух прямо на этом вот кофейном столике.

– Слушай, ну чего ты переживаешь? – Платон глянул на

неё снизу вверх. – Если я умру, то скажешь моей родне, что это лишь моя инициатива. Даже не соврешь. Можешь еще добавить, что я собирался ставить на тебе опыты. Они в это с легкостью поверят, – он хмуро ухмыльнулся.

Девушка дернулась как будто от пощечины. Какая интересная реакция. Неужели на слово “опыты”?

– Постарайся все-таки не умирать, – сказала, закусив губу.

Её тонкие холодные пальцы, дрожа, лепили на него электроды. Иногда Платон поправлял положение, но в целом девушка всё запомнила правильно.

С настройками она тоже разобралась. Даже не зная предназначения тумблеров, выставляла их правильно. Все-таки он не ошибся: если бы не превосходная память, она бы не выжила в бегах.

Ему повезло встретиться именно с Марьяной.

– А как к тебе заходит доктор? – внезапно спросила девушка. – У него есть какой-то ключ?

Ха, так он ей и вывалил всю правду.

– У него есть доступ, – туманно ответил Платон, давая понять, что чары недостаточно “открыть” ключом.

Пусть считает так.

– Ясно, – огорчилась она.

– Ты готова?

Он сверился с настройками – всё верно. Можно начинать.

– Я… да…

Она глубоко вдохнула и быстро выдохнула. На Платона

старалась даже не смотреть. Ресницы её подрагивали. Это вызвало в нем странное секундное чувство. Захотелось заглянуть ей в глаза.

Вместо этого он просто сказал:

– Тогда не скромничай – поехали.

Платон привык к ударам тока и не боялся их, но когда первый разряд прошел сквозь его тело – он по привычке сжался в тугую страну. Электричество пробрало насквозь, заполнило каждую молекулу. Сердце остановилось и тотчас забилось сильнее, оглушительно, кровью молотя в висках. Кожа как будто треснула. По ощущениям – его порвали на десяток частей и наскоро слепили. Все вены вывернуло наизнанку. Сухожилия скрутило.

Адская боль. Предсмертная агония. Жар самой преисподней. Всё смешалось воедино.

Животный инстинкт самосохранения в эти секунды был сильнее разума. Всё в Платоне взмолилось о прекращении пытки. Нужно сдернуть провода или закричать – но ток был сильнее, и тело Платона словно сковало. Лишь силой воли он заставил себя остаться лежать, когда разряд кончился.

Это только начало, минимальные настройки. Хуже всего переносится третий раз. Сейчас – вообще цветочки.

– Повышай напряжение… – просипел и внутренне приготовился к новому разряду, но ничего не произошло, ни через десять секунд, ни через двадцать. – Марьяна, не медли.

Она не ответила.

Платон с силой разлепил веки. Девушки над ними не обнаружилось.

Марьяна забилась в угол, как испуганная дворовая кошка, над которой издевались дети-хулиганы. Она вся ощерилась и тряслась крупной дрожью. Из глаз катились слезы. Девушка плакала не сознательно – она просто была в истерике и вообще не понимала, где находится.

– Марьяна…

Не отреагировала, лишь начала раскачиваться из стороны в сторону и тихонько стонать, обхватив себя руками и вцепившись в предплечья ногтями так сильно, что пальцы побелели.

Платон поднялся, сдернув с себя электроды. Очевидно, что сеанс придется перенести.

– Эй, посмотри на меня, – попытался тронуть девушку за плечо.

Та дернулась как от удара и взвыла:

– Не прикасайся ко мне! Пожалуйста, не надо!

Она смотрела на него пустыми невидящими глазами. Такими огромными, такими испуганными, что Платону стало немного не по себе. Что же она пережила, если её так сильно накрыло?

– Марьяна, послушай, – его голос был тверд и строг, он специально дробил предложения на части: – Это я. Платон Адрон. Ты в безопасности. В моем особняке. Помнишь? На входе стоят защитные чары. Тебя *никто* не обидит. Сюда *ни-*

кто не войдет.

Пересилив слабость, он сел перед ней и выставил вперед руки, показывая, что он безоружен.

Понемногу взгляд девушки прояснился. Она моргнула, глянула на него почти осмысленно.

– Где я… что… – Наконец она пришла в себя и сумела разжать пальцы. – Платон?..

Имя прозвучало так, будто Марьяна с трудом его вспомнила и вообще не поверила, что она больше не в своем старом кошмаре, а здесь, с ним.

От кого она бежит? Как там его, Нику Альбеску?

Платон никогда не слышал этого имени.

А девушка тем временем хоть и осознала реальность, но так и продолжала сидеть в углу комнаты.

Он осторожно протянул к ней руку, касаясь предплечья. Она была напряжена, всё тело – сплошной оголенный нерв. Словно ждала, что он как минимум ее ударит.

Это ее чувство в нем неожиданно отозвалось. Они ведь с братьями сами всё детство провели с тем же ощущением. Когда рядом близкий, от которого никуда не деться, от которого ты зависишь и от которого не знаешь чего ожидать – это очень выматывает.

Серп мог в любой момент выкинуть что угодно. Накричать, ударить, запретить. Наказания и похвалы были, казалось, совершенно случайны и зависели только от настроения

отца. Доставалось чаще всего Златону, старшему из них троих. Дитрих – был любимчиком отца, тот его никогда не трогал. А его самого…

Нет, эти воспоминания сейчас совершенно не то, что ему было нужно.

Но именно из-за них, действуя скорее по наитию, Платон неосознанно начал копировать действия матери, когда та утешала их после очередной стычки с отцом. Движения были мягкими и плавными, он принялся шептать ей успокаивающие слова:

– Тише, ты в безопасности. Всё кончилось, – это был уже не строгий отстраненный голос, а мягкий и обволакивающий.

Он провел тыльной стороной ладони по ее щеке, стирая слезинку. Под пальцами пробежали искорки магии. Ее магии, от которой становилось щекотно и тепло. Это какие-то чары на коже, или просто сама ее сущность? Он ведь так и не спросил, к какой расе или виду она относится.

Он осторожно погладил ее плечо, руку, затем взял ладони в свои и поднес к губам. Пальцы Марьяны были ледяными, и он попытался их согреть дыханием, а затем медленно встал сам, потянув за собой девушку. Она чуть покачнулась, на краткий миг оказавшись в его объятиях.

«Совсем худенькая…» – отстраненно подумал мужчина, но Марьяна тут же выскользнула из его рук.

– Я в порядке, – произнесла она сбивчиво и отчего-то по-

краснела.

Платон покачал головой, не веря ей ни на йоту.

– В полном, – упрямо мотнула она головой и махнула в сторону столика, при этом смотря куда угодно, но только не ему в глаза. – Давай, ложись. Можем продолжить.

– Через полчаса. – Платон взглянул на часы над камином. – Встречаемся здесь же.

Он вышел из комнаты, оставив девушку одну. На языке крутились тысячи вопросов. Что с ней делали? Долго ли она пробыла в плену, давно ли скитается в поисках безопасного места? И кто, леший дери, такой этот Нику? Он не решился задать ни один из них – не был уверен, что ему вообще ответят. Но отчего-то эти вопросы казались важными.

«Это важно, потому что напрямую влияет на то, может ли она выполнять мои поручения», – находил оправдания внутренний голос. В общем-то, это было логично. Для него сейчас имеет значение совсем иное. У него есть цель.

Он просто использует ее, а взамен дает защиту. Вот и все.

Вернувшись к себе в спальню, Платон открыл створку шкафа, нажал внутри рычажок – с глухим стуком открылся секретный тайник в полу рядом. Внутри был телефон. Старый, кнопочный, но зато ни у кого нет доступа к списку номеров, который он будет набирать на нем.

Он покрутил трубку какое-то время, затем вздохнул и все-таки ввел нужный номер. Что ж, есть только один вариант, кто способен осторожно всё разнюхать и при этом не под-

даться искушению сдать Платона братьям.

Короткое «слушаю» раздалось буквально через несколько секунд.

– Виктор Ковтун?

– Платон Адрон, – собеседник на том конце связи не спрашивал, утверждал. Узнал безошибочно. Хотя лично они практически не общались. – Какой приятный сюрприз. Но ты ведь звонишь не просто так?

Ему почудилось, или в голосе беса мелькнула обида? С чего бы это.

– Ты искал со мной встречи.

До того, как угодить этот замок под купол, Платон какое-то время провел в больнице. И тогда Виктор дважды передавал через различных курьеров предложения о встрече и номер мобильного телефона.

– Ммм… Я весь внимание, – не стал скрывать интереса Виктор.

– Мне нужно кое-что выяснить. Альбеску. Нику Альбеску. Сможешь раздобыть о нем информацию? И тогда я с радостью с тобой встречусь, чтобы выслушать.

– Звучит как музыка. Имя очень знакомое, Нику… Нику… Думаю, раздобыть сведения о нем будет несложно. И я так удачно приехал сегодня из столицы. Но… – бес запнулся, явно подбирая слова. – Я слышал, что ты, скажем так, стал затворником.

– Организуй время и место без лишних ушей. А прийти

туда – моя забота.

– Хм… Я открываю филиал «Серой моли» в вашем городе. Видел рекламу? Сейчас там идет ремонт, и по ночам помещение пустует. Я как раз собирался туда сегодня заехать.

Рекламу Платон видел и даже представлял, где это. Очередное злачное место на окраинах города. Но в нынешних условиях так даже лучше.

– Отлично. Узнай что мне нужно, и ночью я буду там.

Платон отключил телефон, спрятал его в тайник. Что ж, осталось уговорить Марьяну на пару сеансов, и к вечеру он выйдет отсюда. На протяжении двух месяцев, что он находится взаперти, ночью его ни разу не приезжали проверять, а доктор был вчера, значит, если не случится эксцессов, минимум два дня тот не появится.

Все-таки как удачно, что он встретил Марьяну. Ведь она ему послужит не только как ассистент в лечении.

У него впереди целая ночь свободы. Идеально.

***

«Серая моль» вошла в жизнь Киры, срослась с ней, проникла под кожу так незаметно и естественно, что теперь казалось, что она всегда была местной.

Да, у Виктора Ковтуна было много и других заведений, маленьких бизнесов, автозаправок, прачечных, придорожных кафешек, саун. Но только этот клуб получил его имя. Насколько Кира успела узнать по обмолвкам остальных подвластных – «Моль» – старое прозвище беса.

Виктор был невзрачным, тощим, физически слабым (рядом с его подручными морлоками и берсерками это особенно бросалось в глаза), крылья за его спиной – тонкие, не способные летать.

Насколько оно ему подходило, настолько, по слухам, бес его ненавидел. Но, придя к власти, он не только смирился и принял его. Сделал своей броней. Своей визитной карточкой.

Это невольно восхищало Киру. То, как он сделал свою слабость – своей силой.

Клуб располагался недалеко от центра столицы, но при этом в отдалении от шумных улиц. Обычные люди сюда заходили если только случайно, и то стремились поскорее покинуть злачный проулок под воздействием тайно начертанных на углах зданий отпугивающих рун.

Кира едва подошла к запасному входу, предназначенному для персонала, как ее уже заметили:

– Привет, красотка, – здоровяк Фет масленым взглядом прошелся по ее фигуре и жадно оскалился.

Кира торопливо кивнула и поспешила проскользнуть внутрь. Несмотря на то, что одного внушения Виктора оказалось достаточно, чтобы громила перестал распускать в отношении нее руки, все равно было рядом с ним не по себе.

– Ты сегодня рано, Кира, – простодушно улыбнулся Макс, разговаривающий в коридоре с каким-то троглодитом. Макс был самым приближенным из телохранителей беса и, пожа-

луй, самым человечным из них. – Когда с боссом поедете филиал смотреть? Ты там намекни ему, что я тоже хочу съездить.

– Интересно, как клуб будет выглядеть? – улыбнулась девушка, проходя мимо. – Вроде собирались на днях заехать.

– Да не, фиг с ним, но там же столько всего посмотреть в городе можно. Я бы на их центральную площадь сходил, с колонной той гигантской… – Он мечтательно улыбнулся. – А оттуда – в музей… Знаешь, как его название переводится? «Место уединение», во как.

Макс, разглядывающий с внимательным видом картины в каком-нибудь музее, был настолько сюрреалистичен, что на какое-то время Кира даже забыла о собственных переживаниях.

– Ты там подойди к боссу, он тебя искал…

После смерти дяди Кире пришлось перехватить дела семьи, но пока у нее получалось не очень хорошо. В итоге занимался всем присланный Виктором управляющий, а она сама лишь выполняла мелкие поручения, пытаясь поскорее войти в общий курс дел.

Бес намекнул, что не любит бездельников, а потому, считая, что дома она делает недостаточно, вечерами девушка помогала в «Серой моли». Ничего такого, разносила еду и напитки, несколько раз танцевала, развлекая гостей со сцены.

Дядя, с которым Кира жила до этого, все время повторял,

что Кира обуза и лучше бы ее вообще не было. Что она никчемная, жалкая, и из нее путного ничего не выйдет. Почему-то теперь, даже когда его уже не было, эти слова все еще крутились в голове.

Виктор сидел на своем излюбленном месте, в углу зала, за небольшим столиком, с которого хорошо просматривалось всё, что происходило в «Моли». Рядом с ним со стаканом чего-то красного расположился еще один мужчина – правая рука беса, его ближайший друг и соратник.

– Добрый вечер… Виктор, Виталий Юрьевич, – она выдавила из себя улыбку. – Макс сказал, вы велели подойти.

Бес всегда настаивал, чтобы подчинённые обращались к нему по имени, разве что охрана звала его «боссом».

– Не сейчас уже, – отмахнулся от нее бес, коротко стрельнув глазами в сторону Виталия. – Лучше помоги чем-нибудь персоналу.

Она тотчас же поспешила убраться на кухню, а оттуда понадобилось выйти в зал, одна из официанток заболела, так что пришлось работать с удвоенной силой.

Голодные взгляды, шуточки, непристойные предложения, шепотки за спиной. Пока ее не трогали – все знали, что она не просто нанятый работник. Но всегда казалось, что она вот-вот потеряет расположение или Виктору понадобится купить лояльность какого-нибудь высшего. И тогда ее мнения никто спрашивать не будет.

А пока приходилось улыбаться так, что сводило скулы, ка-

залось, собственное лицо уже ей не принадлежит – это просто маска.

При этом, стоя спиной к неприметному столику в углу, она чувствовала на себе чужой взгляд. Вряд ли Виктору было до нее дело. Но почему она ловила на себе хмурые взгляды Виталия Юрьевича, Кира тоже никак не могла взять в толк.

Пару месяцев назад Виктор намекнул ей, чтобы «порадовала» мужчину своим обществом. В итоге тот даже не поцеловал ее. Только отругал как школьницу, что полезла…

Очевидно, такая худосочная хвостатая уродина, как она – оказалась не в его вкусе. Кира тогда сначала обрадовалась этому, а потом еще больше возненавидела собственную внешность. Дядя все время говорил, что на такую, как она, без слез не взглянешь. Видимо, и правда, она только и годится, что для подвыпивших завсегдатаев-низших, которым все равно, кого лапать.

Нечисть условно разделяли по двум признакам. Первый: те, кому нужны люди для выживания. И те, кто может прекрасно обходиться без них.

Все низшие так или иначе зависели от подпитки от людей. Упырям нужна была кровь, бесам – темные секреты, кикиморам – людские страхи, кто-то питался человеческими потрохами, и так далее.

Высшие в подобной подпитке не нуждались. И по этой логике черти относились к высшей нечисти.

Дядя, по крайней мере, всегда ей внушал, что так.

Вот только вторым признаком были облик и темная аура. Низшие при всем желании не могли сойти за стопроцентных людей. Одних выдавали крылья, других излишняя волосатость по телу, неправильные уши или копыта. Они не умели их прятать, не имели второго облика, как оборотни или орки. Но имели тяжелую ауру, на которую могли среагировать люди. По этому признаку черти были низшей нечистью.

Впрочем, одним из таких «промежуточных» видов были вампиры, в том числе и древние. Они тяжелой ауры не имели, выглядели как люди, но в крови нуждались.

И боже храни того, кто посмел бы отнести их к тварям, подобным тем, что наводнили сегодня клуб.

Так или иначе, дяди теперь не было, а самой чертовке все это было не так уж и важно.

– Кира, детка, станцуй для нас. – Чертовка проходила мимо, неся поднос с грязной посудой, когда услышала негромкую просьбу беса.

Это была именно просьба, а не приказ, потому что незримая змея кровной клятвы на руке никак на него не отреагировала.

Поспешно отнеся поднос, Кира поднялась на сцену под яркий свет фокуса, окутанная запахом пота и алкоголя, пропитавшим воздух ночного клуба.

Она была прекрасна и загадочна, словно создана для этих моментов, когда жизнь кипит вокруг, а она смело совершает свои движения.

Подвыпившая публика разбавляла воздух громкими возгласами, улюлюканьем и грязными шутками. Кира сглотнула, постаралась отвлечься, чтобы это всё стало просто шумом на фоне.

Она нашла глазами голову Виктора – сам он отвернулся и даже не смотрел на нее – и начала танец, плавно притягиваясь к шесту, словно он был продолжением тела. Движения раскрывались в медленном танце, а хвост вплетался в каждую его петлю.

Песня закончилась, началась новая, Кира не знала, можно ли ей прекратить, а потому продолжила. Посетители были явно не против, встретив это сальными комментариями и шуточками.

Виктор что-то обсуждал с Виталием, кажется, даже спорил, тот хмурился, недовольно посматривая в ее сторону.

В какой-то момент хозяин клуба вскинул голову в сторону чертовки и произнёс тихим, но решительным голосом: «Довольно».

Её сердце сжалось, она под недовольный ропот зрителей спешно спустилась со сцены и, убежав в туалет для персонала, заперлась там.

***

Красные капли стекали по предплечью вниз, кровь тонким ручейком струилась по ее коже.

Кира завороженно смотрела на тягучие капли, но едва повышенная от природы регенерация дала о себе знать, затя-

гивая рассечённое предплечье – полоснула лезвием по коже еще раз. Боль принесла облегчение и смутное ощущение постыдного удовольствия.

Так ей и надо. Большего она не заслуживает.

Снаружи кто-то дернул ручку двери. Кира поспешно принялась убирать компрометирующие ее «улики». Неожиданно дверь поддалась.

– О, прости, тут занято…

«Запирала же двери, какого лешего!..» – не успела додумать свою мысль, как стоящий в дверях мужчина округлил глаза.

– Кира, ты поранилась? – Он кинулся на помощь, не понимая, что лучшей помощью было бы в его случае просто свалить. – Дай помогу.

– Виталий Юрьевич, всё в порядке, я… всё хорошо, просто…

Мужчина перехватил ее руку, развернув к себе, придирчиво осмотрел. От его внимательного взгляда не укрылось ни лезвие, ни окровавленное бумажное полотенце. Лицо его потемнело. Стало таким же мрачным, как в тот день, когда она увидела этого человека впервые – когда он убил ее дядю.

Вроде как Виталий был просто человеком. Но мало кто из домашних верил в это. Ходили слухи, что он из высшей нечисти и хорошо умеет прятать свою сущность.

Как иначе объяснить, что мужчина, которому, как она знала, и тридцати еще нет, стал такой влиятельной фигурой? Го-

ворят, раньше тот работал на Златона Адрона, одного из влиятельных высших, известного бизнесмена, владельца горнодобывающего холдинга «Молния», а потом вдруг переметнулся от того к бесу.

Златон же не только простил предателя, но и до сих пор периодически с ним общался. А однажды она даже видела Златона в «Серой моли», где тот рассказывал какому-то троллю, что «Виталик – мировой мужик».

– Что «просто»? – прищурился тем временем Виталий.

– Как вы вошли? – с трудом разлепив губы, пробормотала Кира.

Виталий на это только отмахнулся.

– Не меняй тему. Это то, что я думаю? – он скрестил руки на груди. – Ты сделала это нарочно?

– Это вышло случайно, – девушка опустила голову и поспешно принялась убирать следы своего «преступления».

«Леший! Пол кровью закапала…» – Всего пара капель, но лучше бы было убрать их. Мало ли какая нечисть сюда зайдет.

– Как можно случайно себя порезать? Зачем? Кира… – он ухватил ее за плечо и несильно тряхнул, желая получить хоть какой-то внятный ответ.

– Больше такого не повторится. – Горло сжало спазмом. Какая же она жалкая и ничтожная, что постоянно влипает в какие-то истории. Прав был дядя в отношении нее. А теперь это дойдет и до Виктора, и тот отдаст ее кому-нибудь типа

того же Фета. – Вы ему скажете?

Вопрос отозвался горьким привкусом во рту. Ну конечно, скажет. Вряд ли кто-то захочет ради нее скрывать что-то от беса.

«Вот дерьмо!..»

– Сказать? – Виталик на мгновение задумался, а затем вдруг выдал: – Так ты ради этого режешь себя? Хочешь обратить на себя внимание таким дурным секретом?

– Что? Нет, – чертовка аж опешила от такого предположения. – Нет, конечно, нет…

– Тогда для чего?

От его мрачного взгляда стало еще хуже. Сердце билось как загнанный кролик, по упрямому выражению лица мужчины было ясно – отговорки его не устроят.

– Просто мне так становится легче. Я давно так делаю, еще когда дядя был жив. А теперь… – Она всхлипнула и тут же до боли закусила губу. Никто не любит слез. Надо быть сильной, но не получалось. Слова словно сами вылетели из ее рта, и прежде чем она осознала, что и кому говорит, выдала: – Я сама себе не принадлежу. Сначала моя жизнь была в руках у дяди, теперь – у Виктора. А это… Это то, что я могу сделать с собой сама.

Мужчина протянул к ней руку, осторожно погладив по волосам. Невесомая ласка. Обычно Кире не нравилось, когда ее касались, но этот жест на удивление не был неприятным.

На лице мужчины было написано непонимание пополам с

жалостью. Он свел брови к переносице и закусил губу, словно сдерживался, чтобы не сказать чего-то.

Быть может, накричать хотел? Кира бы это поняла.

– Ты больше этого не будешь делать, поняла? – звенящим от напряжения голосом наконец выдал он.

– Да, как скажете, – тихо пробормотала чертовка.

– Серьезно. Увижу хоть малейший намек, заставлю раздеться и осмотрю на предмет шрамов, – сердито выдал Виталик.

От этой угрозы похолодело внутри. Нет, помощник Виктора был хорош собой, даже красив. Вежливый, обходительный. И, тем не менее, отчего-то стало жутко. Лучше бы он ее облапал… чем так.

– У меня не остается шрамов. Регенерация хорошая.

– Ну да, ты же чертовка, – вздохнул мужчина и покачал головой.

– Дядя всегда говорил, что я не чертовка, а черте-что.

Кира взяла еще бумажное полотенце, смочила его и, встав на колени, принялась оттирать капли крови с пола.

– Твой дядя был идиотом. А ты замечательная. Я знаю, что ты стараешься. Тебе не за что себя так ненавидеть.

Она подняла лицо, глядя на Виталия широко распахнутыми глазами: «Он правда это сказал? Про меня?».

В этот момент дверь ванной снова распахнулась. На этот раз это был Виктор.

«Закон подлости, не иначе».

– Ох, я, кажется, помешал, – заулыбался бес, поспешно ретируясь.

Кира, на коленях, раскрасневшаяся, с бумажным полотенцем в руках, а перед ней Виталий. О чем он мог еще подумать?

– Нет, не помешал. Мы уже закончили, – произнес Виталик, и только потом до него дошло, как это прозвучало. Еще чуть-чуть, и он хлопнул бы себя ладонью по лбу.

– Пахнет секретами, – усмехнулся Виктор.

Девушка умоляюще взглянула на мужчину.

– Не спрашивай ничего, – отрезал Виталий.

– Даже не думал, – хихикнул Виктор. – Ни на что не намекаю, но планы поменялись. Кира, выезжаем через час. Поэтому закругляйтесь.

Он наконец закрыл дверь снаружи, снова оставляя их одних.

Сказать бесу, учуявшему секреты, «не спрашивай», и чтобы после этого бес просто ушел? Нет, этот Виталий точно не может быть человеком.

– Он наверняка подумал, что я тебя насилую.

– Это плохо? – на всякий случай уточнила Кира.

– Да! Это плохо. Кира, с твоей самооценкой нужно что-то делать. – Он развернулся в сторону выхода, но уже почти у самой двери добавил: – И больше никаких самоповреждений, ты поняла? Будь уверена, если повторится, я узнаю.

Кира поежилась: «Ну да, такой, как он, точно узнает…»

***

Я стояла перед воротами особняка, мечтая лишь об одном – выйти за них. Но Платон оказался прав (не то чтобы я ему до этого не верила в этом вопросе). Едва подносила руку к калитке, как ее тут же окутывало мягкое золотистое сияние, а затем резко отталкивало в сторону. Причем я проверила: палки и камни спокойно проходили сквозь решетку. Блок распространялся именно на живых.

«Интересно, мертвяков оно пропускает?» – отстраненно подумала я, обходя границу владений по кругу и ища слабое место.

Полчаса, отсчитанные Платоном, уже почти вышли, но я не спешила возвращаться. Было стыдно и неловко за то, что показала свою слабость. Позволила заглянуть куда глубже, чем следовало.

Нужно было убегать еще тогда, на старом литейном заводе. Совершила глупость, связалась с сумасшедшим с галлюцинациями и тягой к мазохизму. Как только появится шанс, надо уходить от него.

А внутри меж тем всё кипело от негодования на себя. И, не хотелось в этом признаваться, но больше всего раздражала даже не собственная реакция на чужие пытки. Не сцены из памяти, вставшие перед глазами и заставившие забиться в угол точно дикую зверушку. А то, как меня зацепило поведение Платона.

Его слова, вроде бы простые, но вместе с тем успокаива-

ющие, обволакивающие. Осторожные прикосновения. Он не позволял себе ничего лишнего, и вместе с тем мурашки бежали по телу от мыслей о том, как он согревал мои ладони в своих.

Ничего удивительного, что я поддалась. В последнее время в моей жизни было слишком мало обычного сострадания. Платон просто был добр – и этого хватило, чтобы на секунду поверить, будто он другой, будто он может мне помочь, будто рядом с ним можно расслабиться.

Конечно, зря. Сейчас, придя в себя, я это понимала.

Вдруг за очередным поворотом с той стороны забора я заметила мелькнувший собачий хвост.

– Эй, приятель! – обрадованно позвала я.

Собака обернулась, глядя на меня большими умными глазами. Она словно говорила: «Это я, что ли, тебе приятель?».

– Ты-ты, – уверила я с улыбкой и поманила ее пальчиком. – Иди сюда.

Пес заинтересованно припустил в мою сторону.

– Смотри, что у меня есть, дружок, – я быстро достала из кармана завернутый с завтрака кусочек мяса. – Хочешь? – судя по тому, как пес облизался, идея полакомиться ему понравилась. – Тогда лезь ко мне. Вон какая чудесная дыра есть под забором, надо только немного подкопать.

Всё же моя привычка прятать еду на “черный день” была не так уж и плоха.

Высунув мокрый шершавый язык с капающей на землю

слюной, пес бросился к щели и даже успел сделать пару движений лапами, как его вдруг окутало то же сияние, что я уже видела, и отчаянно скулящую собаку откинуло метров на десять назад.

Приземлившись и неловко поднявшись на лапы, собака обиженно на меня посмотрела, как на предательницу.

«Мавки болотные!» – выругалась про себя, мысленно посылая небесам проклятья. Небесам было все равно, да и мне легче не стало.

– Прости меня, – сказала я псу с искренним сожалением. – Я не хотела делать тебе больно. Прости, мой хороший… Держи…

Я кинула мясо через забор, но собака уже затрусила прочь от него.

Похоже, путь на свободу был действительно только один. Придется взять себя в руки и помочь Платону.

Я вернулась в гостиную и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Страх опять начал проникать под ребра ядовитыми шипами. В прошлый раз, когда я нажала на рубильник, когда увидела, как гримаса боли искажает лицо Платона, то ощутила себя в собственном кошмаре.

Даже почувствовала запах горелого мяса.

Теперь же я пыталась дышать глубоко и быть сконцентрированной на задаче. Вновь облепила Платона жуткими проводами – мужчина иногда одобрительно кивал, как бы наме-

кая: всё хорошо, не переживай, – выставила первоначальные показатели.

– Твои родственники живы? – внезапно спросил Платон.

Моя рука зависла над переключателем.

– Какая тебе разница? – выдавила из себя.

– Я бы мог попытаться их найти.

– Зачем тебе это делать? – спросила с подозрением.

Слабо верится в добрые душевные помыслы того, кто обещал меня убить при первом же знакомстве.

– Мари, – моё имя звучало так странно и так неправильно, но почему-то не захотелось его поправить, – ты мне помогаешь, и взамен я готов помочь тебе. Пока мы не разобрались с твоим Альбеску, – я поежилась от фамилии мучителя, – можем заняться поиском кого-то, кто тебе дорог… если такие вообще остались.

– Но как?

– Я собирался этой ночью съездить в город, к одному знакомому, у него есть связи повсюду. Я мог бы попросить его пробить твоих родственников. Единственное – напиши мне всю информацию о них. Вообще всю, даже самую незначительную. Договорились?

Почему бы и не попробовать. Вряд ли это принесёт какой-то вред. Мою настоящую фамилию он всё равно знает, поэтому скрываться уже бесполезно. Лучше попробовать что-нибудь раскопать. Если Платон, конечно, не обманывает.

Я завороженно кивнула.

Боги, если у него получится…

Даже боялась на секунду поверить в это чудо. Только бы не спугнуть.

– Тогда начинай. – Платон закрыл глаза. – И постарайся не проецировать происходящее на себя. Помни – всё сугубо добровольно и ради благой цели. Поняла?

– Ага…

Всё же я зажмурилась, нажав на рычаг. Пальцы словно окаменели, и мне пришлось силой заставить себя вернуть его в исходное положение.

Платон задышал тяжелее и громче, но если не смотреть на то, как он бьется в агонии, то пытка переносилась значительно легче. Хотя сердце так оглушительно стучало в моей груди, что, казалось, его можно было услышать на другом конце особняка.

– Всё нормально, – хрипло сказал Платон. – Повышай напряжение.

По памяти я ввела требуемые показатели. Они въелись в моё подсознание, и сейчас руки сами выставляли нужные значения.

– Не переживай, – голос Платона звучал успокаивающе. – Дыши глубже.

Такое чувство, что это меня разложили на кофейном столике, а не его – и это он пытался хоть как-то облегчить мои страдания. Мы словно поменялись с ним ролями.

Боги, как же мне было его жалко. Пусть он и сам об этом просил, и это помогало ему восстановить магию – но меня всю скрутило, стоило ему вздрогнуть на столе. Когда мужчина издал тихий короткий стон, я едва сама не взывала белугой.

Я не могу… не смогу больше…

– Повышай… последний раз…

Голос Платона вернул меня в реальность.

Вдох и выдох.

Третий разряд дался мне особенно тяжело. Паническая атака начала разрастаться в легких, сдавливать грудь. Пришлось закрыть лицо руками и отдышаться. Долго-долго приходить в себя. Закусить губу так сильно, чтобы потекла кровь – и я почувствовала настоящую, физическую боль, которая перекрыла память о прошлом.

Платон лежал без движения, в уголках его закрытых глаз скопились слезы. Он не плакал, просто ему было настолько больно, что не смог сдержаться. Я смотрела на длинные ресницы мужчины, на синяки под его глазами.

Зачем ему это? Неужели нет никаких других способов? Доктор же говорил, что лечение бывает разное.

– Видишь, ты справилась, – одними губами улыбнулся мужчина, когда я начала отсоединять проводки.

Пальцы обвели по кругу один из новых ожогов в области сердца, совсем свежих, вздувшихся волдырями, и Платон чуть вздрогнул.

– У тебя хотя бы есть какие-нибудь заживляющие мази? – Я не узнавала собственный голос.

– Само пройдет. – Он перехватил мою руку.

Несколько долгих секунд мы смотрели друг другу в глаза, и отчего-то казалось, что сейчас он видит меня настоящую. Ту, что скрывалась за чарами, прятала свой секрет.

– Мне надо отдохнуть, – безапелляционно отрезал он. – Подготовь к вечеру всю необходимую информацию. Попробую разобраться с твоей родней.

Вернувшись в комнату, я долго не могла прийти в себя. Вышла в сад, чтоб хоть немного проветрить голову. Уж не знаю, специально так было задумано (скорее всего, да), но там росли многие целебные коренья, которые использовались в ведьмовских практиках. Пусть цветы давно отмерли, и листва опала, но для моей задумки требовались корешки растений – а этого добра здесь было предостаточно.

«Сама сделаю ему заживляющую мазь!» – упрямо решила я и принялась выкапывать коренья.

Самая простенькая, с минимумом ингредиентов готовилась буквально за полчаса. Притащив откопанное «добро» в кухню, я немного прошлась по шкафам в поисках недостающего. Хорошо жить в доме, где полно всяких магических трав, сушеных, толченых, разложенных по баночкам как приправы.

Зелья и снадобья – единственное, в чем я была по-настоящему сильна. Они получались у меня легко, все пропорции

я помнила наизусть, а если даже не знала их – чувствовала интуицией. Я умела менять составы без ухудшения качества, могла усиливать свойства. Хоть в чем-то я удалась. Если не в лунной магии или не в отцовских силах, то хотя бы в умении сварить качественное зелье.

В скором времени миска с густым кашицеобразным варевом была у меня в руках.

«Я ведь не знаю, где его спальня!» – запоздало дошло до меня.

В этом замке можно блуждать целый день в поисках нужной комнаты. Но так как всё равно уже сделала мазь, решила начать с гостиной. Хотя шансов, что он остался там же, где проводился сеанс «лечения», было мало.

Как же я удивилась, обнаружив его, лежащим все на том же кофейном столике.

«Он хотя бы жив?!» – пойманной в силки птицей забилась отчаянная мысль, я кинулась к Платону.

– Что ты делаешь? – Он распахнул веки, когда я проверяла пульс, попытался подняться на локтях, но был слишком слаб и в итоге рухнул обратно.

Шокировано оглядела оставшиеся после «лечения» ожоги на его груди, лодыжках и запястьях. За прошедший час они воспалились еще больше и припухли.

– Само пройдет! – передразнила его я, прикусив язык, чтобы не начать ругаться. – Я принесла заживляющую мазь.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи. – Недовольно зыркнул

на меня Платон, но, похоже, силы действительно почти покинули его, потому что он так и продолжал лежать на этом чертовом столике.

– Что же ты не сказал это себе, когда просил меня бить тебя током? – Я отставила миску в сторону и скрестила руки на груди, смотря на него с вызовом.

– Я не нуждаюсь сейчас в твоей помощи, – повторил Платон, выделяя акцентом «сейчас».

Сделала глубокий вдох, чтобы не сорваться на него. Как ребенок, честное слово! И ведь на своего брата по телефону он шипел похожим тоном. Как он тогда сказал? «Не надо обо мне беспокоиться?» Что-то подобное.

Понятия не имела, что произошло у него с семьей, но чутье мне подсказывало: виноваты во всем были отнюдь не родственники Платона.

– Со своим братом ты так же общаешься? Тебе хотят помочь, а ты воротишь нос? – наверное, зря я это говорила, но ситуация настолько разозлила, что просто вывалила ему, что думаю, – Нет ничего стыдного в том, чтобы попросить помощи или признать, что ты был неправ!

– Я не просил консультацию психолога. – Платон отвернулся и свел брови к переносице.

– Зря, потому что она тебе явно не помешала бы. У тебя эго размером с этот замок, а тараканов в голове больше, чем сорняков в саду.

– В саду нет сорняков, о нем заботятся, – буркнул Платон,

поджав губы.

– А о тебе заботиться некому, потому что ты сам распугал и оттолкнул от себя всех, кого только мог.

Я не знала наверняка, сказала просто в порыве раздражения, но по тому, как закаменело лицо мужчины, поняла, что попала в самую точку. Он действительно отталкивал от себя всех, кто был ему дорог. Всех, кому дорог был он сам. Словно наказывал себя за что-то.

Прикрыла на секунду глаза: «Не насильно же я буду его мазать»

Вздохнув, развернулась и зашагала к выходу. Как хочет. Если гордость не позволяет ему принимать помощь, кроме той, что его калечит, то небо ему судья.

– Стой.

Я сделала несколько шагов, даже не поняв, что он меня позвал.

– Стой! – повторил уже громче.

Обернулась, вопросительно подняв брови.

Платон смотрел куда угодно, только не мне в глаза.

– Что там у тебя за мазь? – хмуро спросил он.

Да ладно?

Я не стала язвить (хотя очень хотелось), а просто подошла и продемонстрировала ему массу зеленовато-коричневого цвета. Не худшая из возможных. Мама даже использовала её в качестве массажного крема, спасая меня от солнеч-

ных ожогов. В детстве я постоянно обгорала.

– Ты уверена, что этим безопасно мазаться? – не удержался от сарказма мужчина. – Продукт сертифицирован?

– Очень смешно. Поверь, мазь даже есть можно при желании, хуже она не сделает, – фыркнула я, защищая свое варево. – Просто доверься мне. Хотя бы ненадолго.

Он обессиленно кивнул и прикрыл веки, как бы давая полное разрешение творить с собой всё, что мне вздумается. Я зачерпнула немного мази на ладонь, подумала, с какого ожога лучше начать. Шагнула к лодыжкам и аккуратно коснулась воспаленной кожи.

Платон поморщился, но никак больше не отреагировал, что дало мне уверенности – можно продолжать. Осторожными, медленными движениями я втирала мазь в лодыжки. Мужчина дышал расслабленно. Конечно, ему было больно – касания к свежим ранам никогда не причиняют удовольствия, – но он мужественно терпел.

От ног я перешла к запястьям. У него красивые руки. Вены выделяются, вьются под кожей. Длинные пальцы, ладонь мощная, но не грубая “лопата”, а очень даже завораживающая. Мне подумалось, что если бы Платон был за рулем машины, то я бы точно засмотрелась на то, как он ведет.

Слишком уж хороши его руки.

Всё ещё стараясь не причинять боли резкими движениями, я намазала кожу запястий. Мне несознательно нравилось касаться его кожи, чувствовать все эти вены и артерии, вести

по ним как по запутанному лабиринту.

Я даже задержалась на руках чуть дольше, чем требовалось. Просто чтобы убедиться, что мазь впиталась хорошо.

А потом настал черед груди. Я застыла перед тем, как коснуться ожога у сердца. Почему-то показалось, что именно эта часть тела какая-то запретная. Может, оставить Платону миску и уйти? Сбежать, пока не поздно?

Но потом я подумала, что нет ничего плохого или постыдного в помощи. Я всего лишь возьму немного мази… вотру круговыми движениями…

Платон замер. Я уловила, как напрягаются его мышцы, как каменеет грудь под моими пальцами. Все мускулы становятся ощутимы, как у мраморной статуи. Дыхание его потяжелело.

Кулаки сжались, и все вены проступили лишь сильнее. Я завороженно продолжала водить кончиками пальцем по линии ожогов.

Внезапно Платон перехватил мою руку, разрывая наш странный лечебный обряд, в который я сама погрузилась как в транс.

– Достаточно, – хриплым голосом произнес он.

– Я не закончила.

– Я сказал: достаточно.

Он глянул на меня из-под сведенных бровей, и что-то в этом взгляде заставило меня резко остановиться. Я подняла свободную ладонь с полупустой миской в качестве знака ка-

питуляции.

– Всё поняла. Ухожу. Это оставляю, пожалуйста, помажь сам.

Он не ответил. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями, поставить миску на пол. Я уходила в молчании. Благодарности не ждала. Но Платон был настолько напряжен, как будто…

Не знаю, мне еще не доводилось с таким сталкиваться. Я его чем-то обидела? Сделала ему больно? Так сказал бы, зачем выгонять.

– Спасибо. Наверное мне действительно это было нужно, – добавил он уже в дверях.

Мне оставалось только гадать, что скрывается за этими словами.

Вновь оказавшись в спальне, я решила заняться чем-нибудь полезным, чтобы не гадать над словами и действиями Платона. Поэтому написала на листе бумаги имена и фамилии всех тех, кем дорожила, личные данные, приметы. Не уверена, что хоть кто-то остался в живых – наши следы давно потерялись, – но если уж Платон сам предложил…

Грех не воспользоваться.

Посмотрю, куда он меня приведет, кто этот его знакомый со связями – и в случае чего сбегу прямо оттуда. Если пойму, что обещание найти мою родню – не более чем фантазия Платона.

Пока хозяин отдыхал, я бродила по огромному пустому дому, впитывая в себя все переходы, запоминая расположение комнат. Ещё утром я бегло обошла особняк и сделала мысленные пометки по основным точкам, а сейчас абсолютно бесцеремонно заглядывала во все без исключения комнаты – ну а что, Платон сам разрешил.

Когда я была маленькой, мы с мамой жили в маленьком покосившемся домике. Небольшая «зала», маленькая спальня, всё пространство которой занимали две кровати, и узкая кухня за печкой.

В итоге домой приходили только спать, а детство прошло на улице.

Каким может быть детство в этом огромном доме – не могла себе даже представить.

Я свернула в одну из галерей, а из нее оказалась в огромном зале, стена которого была зеркальной. Словно балетная комната. Ну или с той стороны тоже есть тайник.

«Так и параноиком стать недолго», – фыркнула я, усилием воли заставляя себя оторваться от собственного отражения.

Передышка в доме Платона явно пошла мне на пользу. Я выспалась, помылась, наелась и, даже несмотря на то, что чары на мне не изменились, всё равно собственный вид в зеркале нравится куда больше, чем до этого.

А потом я заметила рояль. Крышка его была откинута. Черные и белые клавиши блестели на фоне темной деревянной поверхности.

Словно завороженная подошла, протянула руку, нажимая клавишу. Фа-диез. Инструмент звучал идеально. Закрыв глаза, медленно опустила пальцы, взяла ноты аккорда. Музыка отразилась от стен зала, от зеркал, от стекол в арочных окнах.

Я начала с ля мажор, обернутой в мистическую атмосферу. Даже не думала о том, что собираюсь играть. Перешла к аккордам с глубоким звучанием – основные ноты ми-бемоль мажор, до-бемоль мажор и фа минор. Они образовывали мрачное гармоническое полотно, погружая в таинственный мир, полный тревоги и надежды.

У каждого инструмента своя душа. И иногда мне кажется, что я чувствую ее, когда играю на нем. У Нику мне приходилось играть на разных – какие-то принадлежали ему, какие-то его жертвам. Некоторые из них были рады поделиться со мной своей печалью, некоторые – не принимали, фальшивили сколько не настраивай, и тогда Нику злился…

Нежная мелодия и мощные аккорды – я растворялась в них, изливая свою горечь потери и одиночество.

У рояля в доме Платона тоже есть душа. Она тоскует по своей хозяйке, но почему-то очень рада при этом, что хозяйка сейчас не здесь.

Или я все это надумала?

А пальцы летали по клавишам, создавая мелодию о том, что находится между миром живых и умерших, навеянную, кажется, самим этим домом.

Нику нравилось смотреть, как я играю. Он говорил, что «Пляска смерти» Сен Сана улучшает его аппетит, а "День гнева" Верди – успокаивает. Именно это в какой-то момент и сохранило мне жизнь.

Впрочем, этот же талант и привел меня однажды к Нику. Он восхитился моей игрой, просил не уходить, поиграть ещё и ещё. Он был ласков… поначалу. Я думала, что смогу выбить для нас с мамой лучшую жизнь.

– Зачем же тебе уходить? Останься, – сказал он однажды, и с того дня начался непрекращающийся кошмар.

Я стала для него лишь музыкальным инструментом. Этакой шкатулкой, нажми на которую – и польется мелодия.

Нику знал, куда именно надо "жать".

Но несмотря на то, что воспоминания об игре теперь неразрывно были связаны с этим чудовищем, я не могла перестать любить музыку. Потому что в то время, когда под моими пальцами рождалась гармония – даже в плену, – я была свободна.

Я забыла о времени и месте, я была наедине с мелодией, что звучала все громче и громче.

Тяжелая минорная тема, всё то, что я никому ни за что не рассказала бы о себе сама – вылилось в мелодию. Закончив на высокой ноте, медленно отпустила клавиши.

– Рахманинов «Остров мертвых», – голос, прозвучавший в установившейся на мгновение тишине, оглушил.

Платон стоял в дверном проеме, одетый в дорожный

плащ.

Я сглотнула и отшатнулась от рояля, будто бы меня застали за чем-то неприличным.

– Моему брату бы понравилось. Хорошо сыграно.

– А тебе? – зачем-то спросила я. Учитывая, что он безошибочно узнал мелодию, то, видимо, как минимум разбирается.

Он неопределенно дернул плечами:

– Не люблю музыку. Она отвлекает, – отрезал он. – Ты подготовила информацию о родственниках? Я собрался.

Мне собирать было нечего, поэтому я быстро вернулась в спальню и передала ему лист бумаги. Платон направился к выходу из особняка, ничего не говоря. Что ж, мне не привыкать к молчанию. Я последовала за ним. Вскоре мы стояли у ворот. Я с предвкушением вдыхала вечернюю промозглую прохладу.

Правда, теперь к этому предвкушению примешивались еще и сомнения. С одной стороны – я планировала сбежать, как только появится такая возможность, с другой – а вдруг Адрону действительно удастся выяснить что-нибудь о моей родне?

– Не подходи близко, может зацепить, – предупредил мужчина, прежде чем начать.

Он прикрыл глаза, сосредотачиваясь. Вокруг него начал распространяться черный густой дым, словно гарь, только безо всякого запаха. Эта ассоциация неожиданно выбила из

колеи. Я впилась ногтями в запястье, намеренно причиняя себе боль.

Это лишь цвет его магии, не более.

Волшебство Платона тем временем росло и ширилось, юркой змеей оно скользило по периметру участка, вдоль железной ограды, а затем проявило золотистый купол. Тот замигал, словно новогодняя гирлянда, а затем яркими искрами осыпался нам на голову.

Платон открыл калитку – на ней даже замка не было.

– А как же машина?

– В этот раз без нее. По городу будет проще передвигаться пешком. Меньше шансов быть замеченным.

– Но идти же далеко, – нахмурилась я, вспоминая, как полчаса ехала по разбитой грунтовой дороге, и за все время мне не попался ни один автомобиль.

Я направилась к калитке.

– Использую магию. В этот раз резерва хватит, купол-то держать не придется, – мрачно усмехнулся мужчина.

– Эм… а что это значит? – не успела я выйти, как сияние над особняком вдруг снова вспыхнуло, на мгновение ослепив. Внутри словно что-то оборвалось.

Нет. Нет.

Он что, меня запер?!

Глава 4

Я побежала, будто бы это могло хоть как-то помочь, и уперлась руками в магическое поле.

Калитка открыта, но толку от этого никакого не было.

– Стой, дурочка, ты же покалечишься. Стой! Что ты творишь?! – закричал Платон, но мне было плевать. Лучше было убиться об эту стену, чем снова оказаться в плену.

Меня отбросило назад, я упала, больно ударившись рукой и плечом. Дух выбило из тела, легкие свело спазмом, несколько секунд не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть.

Дура! Какая же я действительно дура! Что поверила ему, что помогала, что решила, будто он не такой…

На секунду мне показалось, что из-за магического воздействия с моего лица слетели чары – и я прикрыла его обеими руками, пытаясь удержать её на месте.

– Мари, пожалуйста. Прекрати, – кажется, Платон не обратил внимания на мое движение.

– Ты меня оставляешь здесь! Одну! Вместо себя!

– Если никого не будет в замке – я не смогу отпустить купол. Иначе мое отсутствие сразу станет заметно. Не смогу отпустить купол – у меня не будет сил. Я не смогу в том числе добраться до того, кто поможет мне с информацией о твоей родне. А так я вернусь утром, а ты будешь всё это время в безопасности.

– О, да. Скажи еще, что ты запираешь меня ради моего же блага! – горько выплюнула я, неуклюже поднимаясь на ноги и тяжело дыша.

– Я это делаю для себя, – не стал отрицать Платон.

– А раньше ты не мог рассказать мне свой план? – получается, он с самого начала не планировал выпускать меня отсюда.

– Какой план? – ответил он вопросом на вопрос. – Я с самого начала сказал, что собираюсь идти один, поэтому и просил у тебя информацию о родственниках. Ты пошла за мной – я решил, что хочешь проводить. Я не планировал брать тебя с собой, – отрезал он, и я поняла, что это правда. – Но я обязательно вернусь. Не думаешь же ты, что я навечно оставлю тебя здесь вместо себя?

Я неуверенно покачала головой. Сама уже не знаю, что думать…

Наверное, на секунду я именно этого и испугалась. Стать вечной пленницей поместья.

Я не доверяла Платону – пусть и открыла ему чуть больше, чем кому-либо за последнее время, – а потому боялась худшего.

– Мои братья очень удивятся, если придут навестить меня, а обнаружат некую Марьяну, – криво улыбнулся он, а затем раскинул руки в стороны, собирая вокруг себя черный дым. – Не переживай. Я скоро вернусь. Всё будет хорошо.

Эти слова будто отрезвили меня. Действительно, к нему

же ходит доктор, о нем беспокоится родня. Он не сможет ускользнуть незамеченным, и даже если оставит меня вместо себя – об этом быстро узнают.

В какой-то момент самого Платона перестало быть видно за дымом. А затем этот сгусток темной магии припал земле и бесшумно и быстро заскользил прочь.

***

Платон осмотрелся. Каких-то пять-десять минут, и он будет на месте. Оказавшись в городе, он затерялся в толпе и не боялся быть обнаруженным. В конце концов, это не первая его вылазка. Арбитры не способны предусмотреть всего. В их понимании всё просто. Посадили на цепь как пса – можно больше не беспокоиться. Заперли – значит, никуда не денешься.

Наивные.

Платон хмыкнул. Хоть барьер и был серьезной преградой для любого, но… Платон не был любым.

Его не мучили угрызения совести из-за того, что Мари осталась в особняке. Не навсегда же оставляет, так чего о ней тревожиться? Внутри безопаснее, чем снаружи – тем более той, у кого слишком много секретов. С чего она вообще взяла, что он собирается её бросить?

Да уж, с ней будет сложно.

Но почему-то в груди кольнуло неясным чувством, когда она кинулась на решетку, словно бабочка, готовая испепелить себя, только бы долететь до желанного света.

Захотелось откинуть её прочь, не позволить навредить себе.

Безумная! А если бы шибануло сильнее?

А ещё, когда защитный барьер мигнул, Платону показалось, что с её лицом что-то не так. Лишь секундная вспышка, после которой Марьяна прикрыла щеки ладонями – но он отчетливо уловил, что кожа её исказилась. Как будто сползла та магия, которую он ощущал ранее.

С её лицом что-то не так? Какое-то ранение или дефект? На неё наложены матирующие чары?

Возможно, ему всего лишь почудилось. Всё произошло слишком быстро, за секунду сказать наверняка сложно.

Как назло, сегодня Марьяна будто поселилась в его голове. Ещё с того момента в гостиной, когда она принесла мазь и захотела помочь ему с ожогами. Уже тогда заставила думать о себе, а потом, у ворот, лишь усилила непонятное чувство, зудящее на уровне грудной клетки.

О Платоне давно никто не заботился вот так, просто, без потаенного умысла. Не считая мамы и братьев, конечно. Но когда пальцы девушки порхали над его телом, когда она склонилась к нему ближе, чтобы смазать свежие ожоги – это пробудило в нем не только благодарность, но и… физическое желание. Вполне очевидное.

Хотя, казалось бы, что может быть менее аппетитным, чем самодельная мазь и ожоги после электротока.

– Только не говори, что тебе небезразлична какая-то дво-

ровая девка, подобранная с улицы, – донесся до Платона знакомый голос. – Сынок, неужели ты до сих пор не понял? Женщины способны порушить все твои планы. Сейчас ты её жалеешь, а завтра потеряешь рассудок и забудешь о том, ради чего всё затеял. Не забывай, ты ученый и должен обуздать эмоции.

Он обернулся.

Отец стоял в шаге от него, с отвращением кривясь. Весь его вид выражал полнейшее неодобрение, словно сын одними только мыслями про Марьяну сумел его жутко взбесить.

– Убирайся отсюда, – Платон качнул головой. – Ты галлюцинация. Я не собираюсь тебя слушать.

– Неужели? – Серп Адрон со вздохом двинулся к сыну. – Удивительно, что раньше тебя галлюцинации не тревожили. С чего бы им взяться сейчас?

– С того, что в последнюю встречу ты меня чуть не прикончил.

Их отношения с отцом сложно было назвать близкими или доверительными. Скорее уж наоборот: ни один из троих сыновей не любил Серпа и не хотел быть похожим на него. Злобного, безумного и готового на всё, только бы добиться своих целей. Отец лил кровь литрами и не гнушался никакой магии, даже самой черной. Ему было плевать на людей, на нечисть, на собственную семью.

Если бы понадобилось избавиться от сыновей ради исполнения собственных прихотей – он бы без сомнения это сде-

лал.

Братья это понимали и однажды решили избавиться от него. У них почти получилось, но… к сожалению, даже здесь отец их переиграл.

Сейчас Серп Адрон находился в «Теневерсе», магической тюрьме для самых страшных преступников. Выхода оттуда не было, как и возможности наслать какие-либо чары. Так что видение – это точно очередной побочный эффект лечения.

Одним больше, одним меньше.

Не привыкать.

– Неужели ты держишь на меня обиду? Зря. Шрамы закаляют, – ухмыльнулся отец, делая ещё один шаг вперед. – Уж тебе ли этого не знать?

– Не приближайся.

– А то что?.. Если я галлюцинация, то что ты мне сделаешь? – Серп повел бровью в своей излюбленной манере и чуть приподнял левый кончик губ. В спектре выражений лица старшего Адрона это обычно означало веселье. – Хотя, знаешь, если бы у тебя был семейный талант, ты мог бы…

Платон качнул головой, не дослушав и оставив вопрос висеть в воздухе. Он развернулся, зашагав к «Серой моли». Хозяин клуба, Виктор Ковтун, наверное, уже заждался.

Когда-то давным-давно он считал отца чуть ли не богом. Кроме способности за одну секунду превратиться в жуткую бронированную машину для убийств, не восприимчивую к

воздействию атакующих чар и магии (эта способность, как известно, есть у всех орков), отец управлял еще редким даром, передающимся в их семье. В каждом поколении Адронов был только один, кто обладал тайной способностью предвидеть смерть любого живого существа, на кого бы ни взглянул.

Платон втайне всегда надеялся, что именно ему в будущем достанется этот дар, а не братьям. Может, поэтому он так стремился во всем походить на отца? Сознательно копировал мимику, повадки, словно надевая маску в надежде, что однажды та срастётся с лицом и Платон будет достойным сыном. Не таким остолопом, как старший, Златон, и не наивным мечтателем, как любимчик отца Дитрих, а великим ученым, успешным бизнесменом, настоящим орком, тем, кем отец мог бы гордиться. Тем, кто, как и отец, мог бы унаследовать тайный дар.

Надо ли говорить, каким ударом для него стало то, что способность в итоге досталась Дитриху?

Ночная прохлада словно остужала разбередившие старые раны воспоминания, делала их не такими болезненными и четкими. Сейчас уже было абсолютно неважно всё то, что произошло больше десятка лет назад.

Какой из него бизнесмен, если совет директоров временно отстранил его от управления собственной компанией «Посейдон»?

Какой из него ученый, если сам умудрился пасть жертвой

как чужих, так и собственных экспериментов?

Какой из него орк, если он потерял способность обращаться в боевую форму? Если аура после темного ритуала была разодрана в клочья до такой степени, что он сам всерьез полагал, что останется на всю оставшуюся жизнь простым человеком?

Конечно, по природе своей он был сильнее и выносливее любого человека – генетика-то никуда не делась, – но это не значило ровным счетом ничего. Платон перестал быть полноценным орком.

Только вот темный дар, который он принял незадолго до злополучного ритуала, оказался гораздо более живучим, он пустил корни так глубоко, что даже трещавшая по швам аура не была помехой колдовству. Да, теперь каждое применение силы грозило стать последним, убивало его физически, но зато он обрел такую мощь, какой не имел ни один из его братьев.

Он остановился перед закутком в темном переулке, перед мрачным спуском в подвальное помещение. Вывески еще не было, но, насколько он понял, «Серая моль», очередной притон, организованный Виктором Ковтуном для всякого рода нечисти, должен будет располагаться именно здесь.

Платон оглянулся. Серпа за ним не было. Что ж, тем лучше. Разговаривать с владельцем заведения и так будет непросто, а уж отмахиваясь от назойливой галлюцинации…

Вздохнув поглубже, мужчина толкнул дверь. Та легко под-

далась, пропуская вперед.

Посетителей в «Моли» ожидаемо не было. Только раскиданные всюду материалы, строительная пленка, краска.

– Ты пришел! – услышал он восторженный голос беса.

Виктор Ковтун сидел на краешке установленной в углу сцены с шестом посередине, зарывшись в кипу каких-то бумаг. Увидев Платона, он тут же сгрудил все в сторону и радостно подскочил на ноги.

В прошлую их встречу Платон не особо обратил внимание, но при ярком свете горб, торчащий из-за спины беса, особенно бросался в глаза. Хотя на самом деле с позвоночником у того все было в порядке – под пиджаком были спрятаны недоразвитые крылья.

Он был некрасив, тощ, абсолютно не примечателен – если бы не этот «горб». Мимо такого пройдешь и даже не обратишь внимания. Ничто не выдавало в нем талантливого кукловода, который тайно управлял изнанкой столицы, а сейчас решил расширить свое влияние в северо-западном регионе.

– Сомневался, что я приду? – не удержался от усмешки Платон. Ну да, обставить арбитров, запревших его в родовом поместье, может далеко не каждый.

Виктор не дошел до него несколько шагов, шумно втянул носом воздух, облизнулся и расплылся в довольной улыбке.

– Хочешь чего-нибудь? Коллекцию вин уже привезли, но есть и напитки покрепче.

Бесы были кем-то вроде энергетических вампиров, толь-

ко питались не энергией напрямую как таковой, а чужими темными секретами, муками совести, болью и виной.

Как раз всем тем, чем Платон был наполнен до самых краев.

– Не увиливай от вопроса, – хмыкнул он. – Если ты думал, что я не смогу выбраться из ловушки арбитров, зачем тогда назначал встречу?

– Мне было интересно, насколько ты упертый. И ты полностью оправдал мои ожидания. Кроме того, я ведь ничего не терял – ты сам сюда пришел. Так что насчет выпивки?

– Нет, спасибо, предпочитаю разговаривать на трезвую голову, – Платон оглядел строительную разруху. – Расширяешься?

Они с Виктором были знакомы, но не настолько, чтобы запросто вести приятельский разговор. Впрочем, ему и самому было интересно, почему Ковтун решил открыть новое заведение именно здесь. С недавнего времени он стал негласным тайным покровителем низшей нечисти столицы – сразу же после того, как при странных обстоятельствах умер его хозяин, который руководил всем прежде. Целые кланы шли на поклон к Виктору. А тот, совсем молодой мальчишка, умудрился держать их в ежовых рукавицах. Он выглядел хилым, но был хитер и талантливо управлял своими «подданными», зная все их слабые места, давя на нужные точки.

Видимо, сейчас он намеревался увеличить свое влияние. Интересно только, сам будет мотаться между городами или

поставит управляющего.

– Да, нечисти этого города не хватает хорошего заведения, где можно отдохнуть после тяжелого дня, – кивнул Виктор так, будто его волновала судьба обычной нечисти, и сам же оборвал нелепые попытки наладить общение. – Ладно, хватит ходить вокруг да около. Скажи, чего ты хочешь – и я назову свою цену.

Они опустились за стол, Платон мельком глянул на разношерстные документы. Кажется, что-то финансовое. Скопление цифр и сумм.

Виктор выглядел не очень хорошо. Уставший, измученный, с запавшими глазами – очевидно, он провел за работой не один день безотрывно, забыв про сон и отдых. А может, давно не «питался».

– Мне нужно от тебя несколько вещей.

– Давай по порядку.

– Хорошо. Для начала: ты узнал, кто такой этот Нику Альбеску?

Не то чтобы Платона так волновал обидчик Марьяны – просто заводить разговор нужно было с чего-то, что они уже упоминали ранее.

Виктор тотчас сузил глаза, облизал тонкие губы. Облик его перестал казаться расслабленным.

– Раздобыл. Но, если бы я заранее знал, чего может стоить мне эта информация – заломил бы цену повыше.

– Пока ты не заломил вообще никакой цены.

– И точно. Что ж, у меня есть возможность это сделать, – бес явно был на взводе; он понизил голос и наклонился ближе: – Слышал об Арджеше?

– Продолжай. – Предчувствие было скверным.

Арджеш – область на территории современной Румынии. Считалась родиной древних вампиров, много веков назад захвативших власть на континенте. Когда ты бессмертный – тебе даже необязательно побеждать своих врагов, всегда можно их просто пережить.

Но не вечны оказались даже бессмертные. Платон был еще подростком, когда к власти пришли арбитры, перебив перед этим вампиров Арджеша.

Говорили, что истинных вампиров не осталось. Только полукровки – долгоживущие, но далеко не всесильные и не бессмертные, да упыри – помешанные на жажде крови низшие твари.

– В общем, из того, что мне удалось узнать, а времени у меня было не много, – деловито продолжил Виктор, – Нику Альбеску – один из сынов Арджеша. Много столетий он правил вместе с родичами, но пару веков назад был изгнан. Как же там… – Он покрутил узкой ладонью в воздухе. – Мне понравилась формулировка: «За жестокость, недоговороспособность и чрезмерный садизм». Учитывая, какими кровавыми дьяволами были все представители вампиров, это прям впечатляет, да? Сейчас же он приезжает сюда с бродячим цирком. Дает представление «Семь грехов света». Не кажет-

ся ли тебе это странным?

«Серп бы наверняка оценил этого Нику», – мелькнула отстраненная мысль.

– Расскажи, что еще знаешь.

– Как я уже сказал, информация мне дорого обошлась, – невесело хмыкнул бес, не спеша делиться.

Хотя по блеску в глазах было видно: ему явно есть что сказать.

– И чего ты хочешь?

– Подружиться, – подмигнул Виктор. – Так гораздо удобнее, знаешь ли. Друзья не ведут счетов.

Платон скрипнул зубами, но узнать подробности сейчас было важнее.

Такой друг, как Виктор, может быть как надежным союзником, так и опасным врагом, от которого не отделаешься. Что ж. Раз сам завел этот разговор, да ещё и собирается попросить Виктора о других одолжениях…

Придется сотрудничать.

– Так что там еще?

– А еще… самое интересное. Арбитры. Они в курсе, что Нику Альбеску приехал в город. И, судя по всему, были в курсе его существования с самого начала. У них вроде как договор о ненападении. Он не претендует на власть и не мутит воду. Они – подчищают за ним кровавый шлейф от убийств людей и закрывают глаза на нечисть, которую он периодически похищает. Милый симбиоз. Правда? – Скулы бе-

са побелели. – Нику имеет доступ к старым тайникам и кладам Арджеша, до которых у арбитров не дотянулись руки, так что в деньгах не нуждается. Путешествует по миру в свое удовольствие, находясь над всяким законом. В случае столкновения с ним – защиты искать негде.

Он помедлил, но потом добавил практически одними губами:

– Мои личные догадки – он оказывает арбитрам еще какие-то услуги. Не удивился бы, узнав, что и к уничтожению собратьев эта тварь приложила руку.

Новости были не из приятных. И пока непонятно было, что с этим всем делать.

Платон не ожидал, что Марьяна перейдет дорогу такому врагу. Это многое усложняло. Кто она такая, что за ней может охотиться древний вампир? Чем она ему помешала?

– Я уже дал приказ своим, чтобы не вступали в конфликты и вообще по возможности обходили Альбеску за несколько километров, – подытожил бес. – Лучше перестраховаться. Ты не мой подвластный, так что прими дружеский совет, – он выделил «дружеский» ехидным тоном. – Не связывайся.

– Я понял, – кивнул Платон. – Спасибо.

– Обращайся. Чего ты еще хочешь?

– Мне нужно добыть некоторые предметы. Сам я не могу светиться, а братья забьют тревогу, если обращусь к ним. За это – отдельная плата, как ты понимаешь.

– Ох, Платон, – Виктор вдохнул воздух так, словно тот

был пропитан чудесными ароматами. – Ты льешь мед на мою душу. У тебя есть список?

Он кивнул, передавая сложенный вдвое лист.

– О-о-о, – с интересом пробежался взглядом по тексту Виктор. – Я смотрю, кто-то увлекается запрещенными ритуалами?

Ингредиенты были не настолько очевидными, чтобы как-то их идентифицировать – поэтому Платон напрягся. Ему не нравилось, что Ковтун может узнать слишком многое. Только вот выбора не было. Запасы, оставшиеся от отца в особняке, кончились.

– Не волнуйся, – кажется, бес заметил сомнение, мелькнувшее на лице Платона. – Я понимаю во всей этой магической ерунде не больше, чем остальные. Паук иногда промышлял продажей контрабандных штук типа твоих для всякого черного колдовства.

Паук был хозяином Виктора, и тот определенно многое запомнил из того, чем он занимался.

– Ты сможешь мне помочь?

– Думаю, да. Это не так просто, но мы попробуем. Что ещё?

– Еще… – Платон помедлил, не зная, отдавать ли бумажку с именами родственников Марьяны.

Он и так слишком многое попросил у Ковтуна, и взамен тот может потребовать непомерную плату. Если он займется ещё и поиском близких Мари, то точно возомнит себя хо-

зяином положения, которому Платон будет должен по гроб жизни.

Нет, так нельзя. Он обещал ей.

Марьяна ждет его там, в поместье, за барьером, и будет настоящим издевательством лишить её правды.

– Я хотел бы узнать про этих людей… или нелюдей, – поправился Платон, отдавая исписанный мелким почерком лист. – Что с ними. Живы ли они, а если нет, то как и когда умерли. Любые сведения.

– Какие любопытные у тебя просьбы, – бес склонил голову набок. – Альбеску, непонятные существа, расы которых ты даже не знаешь. Кто это, твои прежние подопытные?

– Не имеет значения, но нет, это не подопытные. Это – знакомые одной моей приятельницы. Кстати, про неё я бы тоже хотел разузнать. Марьяна Сциллова, – если, конечно, Мари не соврала насчет своего имени.

– Я запомнил, – Виктор кивнул. – Какие ещё будут поручения?

Он откровенно язвил, выглядел ну очень довольно, понимая, что взял Платона на крючок.

– Больше – никаких. Пока что. Теперь поговорим об оплате. Чего ты хочешь… кроме дружбы?

– Я всё же закажу выпить, – сказал Ковтун и щелкнул пальцами.

Тут же возле них материализовалась как будто из ниоткуда молодая чертовка. С виду она казалась обычной офици-

анткой, но что-то подсказывало Платону: у Виктора на нее есть особые планы. Как минимум, одета она была в брючный костюм. Хоть и достаточно откровенный – брюки в облипку, сверху кружевной белоснежный корсет, – но при этом не развратный. В клубе Ковтуна это означало какую-никакую, а самостоятельность.

Низенькая, с вьющимися волосами шоколадного цвета, убранными под заколку. Она глянула на хозяина огромными карими глазищами. Хвост девушки, похожий на тонкий длинный хлыст, был обернут вокруг талии.

– Кира, зайка, принеси-ка нам с другом по коктейлю.

– Коктейль? – переспросил Платон, когда официантка ушла. – Я думал, ты предпочитаешь что покрепче.

– Знаешь, люблю иногда побаловать себя сладеньким, – сыто облизал губы Виктор. – Итак. Перейдем к самой вкусной части нашей программы. Оплата. Давай так. Ты попросил у меня три одолжения. Взамен я хочу три твои грязные тайны. Не сразу! – качнул он пальцем. – Сегодня в качестве аванса достаточно одной. В следующий раз обсудим что-нибудь ещё. Договорились?

– У меня нет грязных тайн, – пожал плечами Платон.

– Ну-ну, не обманывай себя. У всех есть истории, за которые стыдно или больно. Или слезы непроизвольно выступают на глазах. Мне подойдет любая, главное – послаще.

Виктор подался вперед, скрестив пальцы в замок и уложив на них подбородок. Взгляд его стал внимательным и по-

чти любовным. Близость подпитки в виде сильных эмоций заставила Ковтуна оживиться.

Чертовка принесла два ярко-рыжих коктейля. Платон отвлекся на неё.

– Что насчет этой Киры? Слишком уж она быстро откликается, когда ты её зовешь.

– Боишься, что она нас подслушает? Не переживай. На ней лежит кровная клятва. Чертовка никому нас не сдаст, даже если очень захочет. Скажем так, ей можно доверять. Она пытается передо мной выслужиться за грехи своей семьи, и пока меня всё устраивает. Но, если тебя так уж смущает… Кира, детка, – девушка обернулась на голос хозяина, – погуляй где-нибудь. Не смущай моего гостя.

– Конечно же, – кивнула чертовка и ушла.

– Теперь у нас почти интимная обстановка, – довольно подмигнул Ковтун. – Начинай. Я с удовольствием тебя выслушаю.

Платон задумался. Разумеется, он немного слукавил. У каждого есть моменты в жизни, которые не хочется вспоминать – тем более в присутствии беса. Другое дело, что Платон много лет отсекал от себя любые эмоции и научился с этими воспоминаниями мириться, принял их как часть жизненного опыта. Раньше они его почти не терзали.

Раньше…

В последнее время эмоций стало слишком много. Сомнений, страхов, совершенно лишних переживаний. Платон пу-

тался в них – и больше всего мечтал избавиться от их пагубного влияния. Отсечь их от себя. Раз и навсегда.

Но куда больше он хотел вернуть себя настоящего.

Ладно, можно вспомнить что-нибудь грустное, но не самое значительное. Ковтун сам сказал: сегодня его устроит «аванс», значит, он не обидится, если Платон обойдется малой кровью.

– Мне только исполнилось пять лет, когда отец привел в наш дом мальчишку-оборотня. Не помню, сколько ему было. Наверное, как мне, может, чуть младше. Матери Серп сказал, что это беспризорник, который будет жить с нами. Мол, его выгнали из стаи из-за неспособности превращаться в волка. Он несколько недель побирался на улицах, и отцу стало его жалко.

– Серп Адрон не смог пройти мимо сироты? – ухмыльнулся Виктор, не понаслышке знавший о характере отца Платона.

Уж чем-чем, а состраданием тот точно не мучился.

– Именно. Златона этот парень особо не заинтересовал, – вспомнив про старшего брата, Платон вздохнул. – Ну а Дитрих был слишком маленький, он тогда даже не ходил толком.

– Как его звали? – внезапно спросил Ковтун.

Платон поморщился. Всё же бес отлично умел разбираться в чувствах. Пока у того беспризорника не было имени, он казался эфемерным – как что-то давно покрытое дымкой прошлого. Но с именем мальчишка становился реаль-

ным. Обретал черты.

– Марк.

– Какое замечательное имя, – Ковтун взял трубочку и отпил добрую треть коктейля. – Продолжай.

– Не скажу, что он мне нравился, но мы начали общаться. Удивительно, но Серп не запрещал мне возиться с этим пареньком, а тот увидел во мне взрослого товарища и везде ходил хвостиком, даже пытался спать со мной в одной кровати. Да, всё же он был младше меня, – кивнул своим мыслям Платон. – Марк говорил, что мы с ним когда-нибудь уедем и создадим собственную стаю. Я тогда ещё смеялся над ним, потому что у орков нет стай. Так, постой, это лишнее.

– Нет-нет, ты что. – Виктор сочувственно покачал головой. – В твоей истории нет ничего лишнего. Стая из орка и оборотня – как трогательно. Я весь во внимании.

Он с наслаждением сделал ещё один глоток, как будто наблюдал за занимательным представлением. Лицо его немного прояснилось. Эмоций Платона пока что не хватало для полноценной «трапезы», но бес улавливал нужные интонации и перекусывал ими, готовясь к основному блюду.

– Мама к Марку сразу прикипела. Игрушки для него покупала, торты пекла. Он для нее стал как четвертый сын. Я помню, Злат очень ревновал. Как это, внимание – и не ему, а чужому пацаненку.

– Не переводи тему, – покачал головой Виктор; сейчас он напоминал психотерапевта, который слушал пациента. –

Мне нужны твои воспоминания, а не Злата.

– Да. В общем, наше приятельство продолжалась месяца два или три. А потом отец позвал меня к себе в кабинет. Как сейчас помню, он спросил, хочу ли я посмотреть, над чем он работает. Конечно, я обрадовался такой возможности. До этого отец в свои дела нас не посвящал. – Платон вдохнул чуть больше воздуха; в горле начало першить.

Он отпил коктейль и поморщился. Тот оказался жутко сладким, приторным до ужаса. Сахарный сироп с алкоголем – отвратительная смесь. Виктор, между тем, почти приговорил свою порцию. Бес шумно всосал воздух через трубочку, заслушавшись.

– Приятного аппетита, – сказал Платон, ненадолго отвлекаясь от воспоминаний.

– Ты продолжай, не отвлекайся, – нетерпеливо махнул рукой Виктора. – Так чего там хотел твой папочка?

В его взгляде застыло гигантское желание услышать продолжение.

– Ты можешь хотя бы так демонстративно не жрать?

– Не-а, не могу, – смущенно улыбнулся Ковтун. – Я люблю смаковать эмоции. Уж прости, какой есть. Ты сам знал, на что соглашался. Напоминаю: Серп предложил помочь ему в каком-то деле.

– Скорее – посмотреть, а не помочь, – исправил Платон. – Отец искал способ управлять сущностью нечисти. До этого он только изучал теорию, а теперь собирался впервые на че-

ловеке… точнее – на оборотне.

– На Марке?

– Да. Он собирался по собственному желанию контролировать его превращения в оборотня и обратно. Вытащить из него возможность обращаться. Сначала мне эта идея не понравилась, выглядело всё слишком опасно. Но отец сказал, что в этом нет ничего такого. Наоборот, Марк еще потом «спасибо» скажет, когда его сущность пробудится. Ведь он перестанет быть посмешищем для сородичей.

Виктор понимающе кивнул.

– Ты согласился?

– Разумеется. Я не настолько сдружился с Марком, чтобы всерьез переживать о нем. Да и разве отец мог обмануть? Я считал его почти богом.

– И что случилось?

– Я присутствовал при том эксперименте. Марк плакал и просил меня его отвязать, а отец… отец сказал смотреть и впитывать информацию. Он назвал это первым моим шагом к науке.

Говорить стало почти невозможно. Застарелая тайна, которую Платон считал давно забытой и малозначимой, ударила по нему сильнее, чем ожидалось. Испуганный взгляд мальчишки встал перед глазами Платона. Его тихое «не надо» и «мне больно».

Платон тогда строго сказал Марку:

– Не выдумывай. Всё будет хорошо, ты станешь настоя-

щим волком.

– Но я не хочу, – ответил паренек, и это были последние его осмысленные слова.

Виктор привлек внимание, кашлянув.

– У Серпа получилось? – спросил с неподдельным интересом.

– Как сказать. Марк обратился в оборотня, так что можно считать, что эксперимент удался. А потом… он не выдержал. Его разум необратимо повредился. Он смеялся, нес какую-то чушь. Вел себя жутко. Хохотал, хлопал в ладоши, бесконечно обращался то в человека, то в волка, – Платон поежился. – Отец сказал, что сознание попросту не выдержало нагрузки. В тот же день он исчез из нашего дома. Злату сказали, что нашлись родственники и забрали Марка себе. На самом деле отец определил его в какую-то больницу для слабоумных. Когда я начал рыдать, отец сказал: «Запомни, нельзя спасти всех бездомных собак. Если ты хочешь стать ученым, то должен уметь жертвовать». Он многое тогда рассказал про то, что маленькая жертва может привести к большому благу. Я слушал его и верил, понимал, что он говорит правду. Ведь нет бескровных научных открытий. Действительно, надо чем-то жертвовать. Так мне показалось.

«Кроме того, – объяснял тогда Серп, – твой друг не погиб. Его подлечат, и он будет как новенький. Ну а мы должны были сделать всё, чтобы дать ему возможность обращаться. Понимаешь? Мы поступали во благо, мы хотели ему помочь».

Платон криво усмехнулся, вспоминая ту ложь и то, как верил в неё. Потому что отец умел быть убедительным. Потому что Платону казалось, что это логично и правильно. Марк бы сказал им спасибо, если бы всё получилось.

Всю правду он понял спустя много лет, будучи уже взрослым. Он догадался, что «дефектный» Марк появился в доме неспроста. Но тогда, в пять лет, авторитет отца был настолько велик, что даже сомнений не закралось – всё правильно, папа желает лучшего.

Да и не настолько ему нравился этот бездомный пацаненок, чтобы всерьез о нем плакать. В пять лет Платон был достаточно жесток к чужакам. Тем более папа же сказал: его вылечат.

То, что отец любит врать, Платон тоже понял слишком поздно.

С другой стороны, если бы не тот бесчеловечный опыт над Марком, сейчас бы у самого Платона не было даже надежды на будущее. Ведь именно этим он и занимался в последние несколько месяцев: пытался вернуть свою сущность. Он поменял ритуал под себя, ослабив его. Занялся защитой разума – чтобы история Марка не повторилась.

В первый раз у него ничего не получилось. После второго появились галлюцинации в виде Серпа, но зато и восстановление сил ускорилось. Между первой и второй вылазкой прошел почти месяц, на этот раз ушло всего два дня. Это, конечно, можно было считать относительным успехом, толь-

ко вот орком Платон не стал.

Значит, нужно ещё немного изменить само строение ритуала. Ну и разум защищать лучше – а то в следующий раз к нему в гости придет уже не Серп, а орочий много-раз-прапрадед Азур, считающийся основателем их рода.

Неспроста сейчас всплыло это воспоминание. Оно лежало на поверхности.

– Звучит очень вкусно, – Ковтун благодарно кивнул. – Но кажется мне, что ты о чем-то умолчал. Чую налет недосказанности.

– А ты хорош, – мрачно фыркнул Платон.

– Я зарабатываю этим на хлеб. Давай же. В качестве десерта. Последнюю нотку.

– Будет тебе десерт. – Идти на попятную было поздно, и Платон продолжил: – Больше всего по Марку переживала мама. Она постоянно плакала. Я хотел её успокоить, объяснить, что ничего страшного не случилось.

– И что ты ей сказал? – В глазах Ковтуна заблестели искры.

– Что нельзя спасти всех бездомных собак, – тихо ответил Платон. – «Иногда нужно чем-то жертвовать». Я просто повторил слова отца.

Он навсегда запомнил материнское лицо в тот момент. Полное ужаса и непонимания. Собственный сын на секунду стал для нее копией родного отца – и это была не похвала.

– Много позже я решил, что мои опыты всегда будут доб-

ровольными. Пусть малая жертва и ведет к большому благу, но только с согласия самой жертвы. Я пришел к маме и пообещал ей это. Но, разумеется, Марка уже не вернешь. Не знаю, как он там. Восстановился или нет. Если честно, я не особо интересовался.

Платон замолчал, показывая, что теперь точно всё.

– Какая замечательная и поучительная история. – Бес смахнул с глаз невидимую слезинку. – А какие у тебя были эмоции, когда ты ее рассказывал. Считай, что аванс удался на славу. Я найду всё, о чем ты просил. Набери меня через два дня. Обсудим следующую встречу.

Пора было возвращаться к Марьяне.

Платон поблагодарил Виктора и вышел из «Серой моли».

Глава 5

В ноябре светало поздно, воздух едва наполнился близостью первых, совсем тусклых рассветных лучей. Ночью лил дождь, но сейчас он прошел, осталась лишь морось и холодный ветер, пробирающийся под одежду. На душе было паршиво – бес умел подсасывать эмоции, оставляя после себя разруху, будто вытоптанное поле. А может, и не бес тому виной, а сам Платон, которого накрыло прошлым. Пусть это и не самое сильное его воспоминание (хватало и других, гораздо хуже) – но оно определенно неспроста держалось в голове.

Ладно, теперь можно идти домой.

На половине пути, когда Платон почти вышел к точке, где мог использовать колдовство, его окликнул голос. Оставался какой-то жалкий километр. Не повезло.

– Эй, братишка, закурить не найдется?

Платон, поморщившись, обернулся. Только какого-то гопника ему не хватало для полноты ощущений.

В переулке стоял головорез, бритоголовый, невысокий, но крепко сбитый. Очевидно, тролль, потому что нижние клыки выпирали над губой, а непропорциональное лицо «украшали» крупные бородавки.

Неудивительно, даже относительная близость «Серой моли» означала, что в округе будет ошиваться всякая низшая

шелупонь из тех, кто перебивается воровством и грязными делишками для тех, кто предложит повыше плату.

– Не курю и тебе не советую.

– А если найду? – тот вальяжной походкой направился к Платону.

– Слушай, лучше не лезь ко мне. Может, ты не заметил, но я – арбитр. Ты действительно хочешь перейти мне дорогу? – сказал негромко, хотя понимал, что от слов особой пользы не будет. Но тролли тупые. Вдруг сработает.

Сейчас бы красочно принять боевую форму, стать крупным зеленым монстром, обнажив своё истинное нутро…

Увы, таких привилегий Платон лишился, как и возможности говорить о том, кем является на самом деле.

Воспользоваться темной магией он сейчас не мог – слишком опасно, кругом город, дома, обычные люди. Отскочит куда-нибудь не туда – доказывай потом арбитрам, что это не ты магичил, так, рядышком стоял. Хотя по-хорошему должен был сидеть под замком.

Ещё и резерв до сих пор истощен, его, может, и хватило бы на один крупный выброс, но потом Платон бы попросту не справился с барьером или не смог создать чары, чтобы вернуться к особняку.

– Конечно, ты арбитр. Кто ж спорит. А я – голливудская дива, – гоготнул тролль. – Ботиночки, я смотрю, у тебя хорошие. Фирменные, да? Дай поносить.

– Иди к черту.

– А чего такой недружелюбный-то? – теперь за его спиной звучал другой голос.

Тоже тролль. Возможно, даже брат этого, слишком уж похоже они выглядят. Хотя для Платона все тролли были на одно несимпатичное лицо. Они глуповато скалились и надвигались, беря его в круг. Откуда-то выплыл третий их собрат, такой же неприятный и лупоглазый, только ещё и толстый, круглый, как бочонок. Спортзалом этот себя явно не обременял.

– Мне вот его рубашечка нравится. Как думаете, пойдет мне?

Рубашка Платона не застегнулась бы на обрюзгшем теле этого модника при всем желании.

– Не советую приближаться.

Платон всё же выпустил черный туман из-под пальцев. Не сильно, так, чисто показать, что с ним лучше не связываться. Он был не разрушительный, не опасный – скользнул по ногам низшей нечисти и растаял дымкой. Но даже эта легкая магия заставила Платона покачнуться.

Определенно, на сегодня хватит. Он попросту не выдержит.

– Чот я не понял, ты орк или маг? – почесал в затылке первый тролль.

– Одно другому не мешает. Только тут какое дело, ребзя. Раз дальше вот этой хрени с туманом дело не зашло, то маг он такой же, как и арбитр, – понимающе выдал его со-

брат. – Короче, братишка, у нас к тебе деловое предложение. Ты либо даешь нам свои вещички, либо ответишь на один вопросец – и мы тебя отпустим. Собственно, вопрос. Видел рыжую девку?

А затем он коротко описал Марьяну. Слишком угловато, но узнаваемо.

Боги, от нее одни проблемы! Что, она не только с Альбеску поцапалась, но ещё и полчищу троллей умудрилась дорогу перейти? Кто следующий? Окажется, что Мари в неладах с феями?

– Почему «либо»? – оскорбился третий головорез. – Пусть он сначала скажет про рыжую, а потом одежкой поделится. Думаю, у него и белье модное, брендовое. Я давно трусы обновить хотел. Гы.

– Так чего молчишь? Говори давай. Видел её? А, это, вспомнил! У нее ожог может быть на половину хари. А может и не быть, – не слишком уверенно заявил тролль. – Короче, знаешь такую?

– Нет.

– Ты не ври. Похожего на тебя мажорчика с ней недавно Сивый видел. Он на стреме сидел, пока наши её гнали. Вроде всё у них сложилось. Потом хоба, и она уже с каким-то типом вроде тебя на горбу к тачке скачет.

– Ну так и ищите эту тачку, – тихо сказал Платон, проклиная себя за неосмотрительность.

– Да там обзор такой неудачный, – почти смутился

тролль. – Она-то в тачку прыгнула, а номер Сивый не рассмотрел. Но внешность запомнил. Так что, братишка, ты лучше по-хорошему ответь, глядишь, мы с тобой и гонораром за её шкуру поделимся.

– Спасибо за щедрое предложение, но я не нуждаюсь в деньгах.

Они подошли совсем близко. Платон краем глаза уловил, что тролль номер три замахнулся для удара. Уклонился, подсек его коленом. Выслушал отборную порцию ругани.

– Ах ты…

Они налетели на него все вместе. Правда, лбами тоже столкнулись вместе, когда Платон увернулся вбок. Склонившись, он кинулся к углу здания, возле которого лежала стеклянная бутылка. Удар по каменной кладке – в руках Платона оказалась «розочка».

Он не очень любил такие топорные способны переговоров. Все-таки умный орк должен уметь договариваться словом, а не мордобоем. Но с троллями иначе было сложно.

Первый тролль достал нож, махнул им перед собой, целясь Платону в живот.

Поворот. Смазанный бросок. Кулак тролля ударил под дых – Платон на секунду задохнулся от боли. Черт, если бы не его нынешнее состояние, он бы даже в человеческом обличье их сделал… а так…

Действовать надо не силой, а хитростью. Тролли нерасторопные, да ещё и явно ведут не самый здоровый образ жиз-

ни. Их можно одурачить или банально утомить. Главное – первым не свалиться замертво.

Ещё поворот. Уклонение. Замах. «Розочка» мазнула по плечу громилы номер раз, на секунду выбивая его из битвы. Теперь можно воспользоваться моментом и схватить его за шиворот. Приложить усилие и ударить головой о стену.

Тролль покачнулся и рухнул на землю, лишившись чувств.

Минус один.

Платон сменил «розочку» но нож, выпавший из обмякших пальцев тролля. Его дружки заходили спереди и сзади. Контролировать их обоих было затруднительно. Слабость накатывала волнами. Всё труднее становилось просто держаться на ногах.

Обмен ударами не щадил никого. Платону вскользь прилетело под ребро. Неприятно. Синяка, конечно, не останется, орочья выносливость поможет. Но дух на секунду выбило из легких. В ответ Платон пнул какого-то из троллей ногой, даже не понял, кого именно. Махнул наугад ножом. Лезвие вспороло куртку громилы. Тот взвизгнул. Его дружок поднял кулак, бросился в атаку. Платон ответил ему быстрым ударом в живот.

Блоки, отскоки, удары почти вслепую – всё смешалось перед глазами. Платон чувствовал быстрое сердцебиение и напряженность каждой мышцы в своем теле. Несколько секунд на раздумье, ещё один бросок – лезвие попало в бедро.

Тролль номер два с ужасом глянул, как штанина пропитывается кровью. Он осел на асфальт.

Его дружок рыкнул, кинулся с новым криком. Шаг назад, подсечка. Всё же хорошо, что вместо спортзала этот налегал на нездоровую пищу. Его оказалось обхитрить проще всего.

Секунда. Поворот. Лезвие оказалось приставлено к горлу.

– Тебе еще нужны мои трусы? – вкрадчиво спросил Платон, надавливая на кадык.

– Н-нет, сэр, – от страха тролль даже забыл, как дышать.

– Рад слышать. Тогда закончим начатое, прости, придется тебя убить.

Лезвие уперлось сильнее. На коже выступила капля крови. Платон блефовал, но всем видом показывал, что это не так. Если он не может взять силой – возьмет умом. Главное – запугать врага. Дальше будет видно.

– Н-не надо, – тролль всхлипнул почти по-детски. – П-пожалуйста…

– Даю последний шанс уйти отсюда живым. Кто вас прислал?

– В смысле? – не сразу сообразил толстяк.

– Кто назначил вознаграждение за рыжую девицу?

Противник тут же сдал всю подноготную:

– Так это, главарь наш, Пугач, сказал, что по местным бандам ориентировку пустили. Кто – не знаю. Мы должны Пугачу её притащить, а дальше он сам заказчику отдаст. Ты это, если видел её, скажи. Мы с тобой поделимся, женкой своей

клянусь…

– Сколько за неё предлагают? – перебил Платон.

– Двадцать пять миллионов за живую, чтоб все конечности на месте были. А если мертвую, то пятеру дают. Слушай, друг, не горячись. Пусти нас, чего тебе руки-то марать. Ты ж это, арбитр. Вы по чести поступать должны.

Платон на миг поколебался, не зная, как поступить с головорезом. Убить его? Бросить посреди улицы три трупа?

Оставлять за собой кровавый след ему хотелось меньше всего. В прошлый раз от обидчиков Мари пришлось избавиться – но они могли услышать и увидеть слишком многое, а Платон после проведенного ритуала был слишком нестабилен, чтобы себя контролировать.

Сейчас же…

В этот момент толстяк, вынырнув из-под ножа и содрав себе кусок кожи на горле, побежал вперед – только пятки сверкали. Удивительно проворно для его веса и габаритов.

Догнать его?

Банально сил не хватит.

– Если вы сейчас же уберетесь – я сохраню вам жизнь, – сказал Платон.

Подбитый «брат» модника послушно закивал и поковылял за тем троллем, который до сих пор валялся без сознания. Поднял его, взвалил на плечи и тоже поспешил убраться куда подальше.

Платон остался стоять, дыша тяжело, обессиленный, ед-

ва видящий из-за пелены перед глазами. Он понимал: будь противник сильнее или умнее – ему бы пришел конец. Ему просто повезло.

Не более того.

Теперь надо дойти до дома… и не потерять сознание где-нибудь по пути. И желательно сделать это быстрее. Если у троллей хватит мозгов, они придут с подкреплением, чтобы наверняка добить обидчика.

Платон стиснул зубы и зашагал вперед.

***

Когда Платон ушел, я так и осталась стоять около закрытых ворот.

И вроде бы сама была виновата в ситуации, в которой оказалась, но желание огреть Платона чем-нибудь тяжелым было безмерно велико.

Замерзнув окончательно под начавшим накрапывать дождиком, я вернулась обратно в особняк.

Первым делом отправилась уже знакомым путем на кухню. Привычка наедаться впрок, пока есть возможность, дала о себе знать.

«Всё съем, Платон вернется, пусть сидит голодный», – хотелось отомстить ему хоть в какой-то малости за то, что запер меня здесь.

Вот только едва я выгрузила из холодильника на стол часть того, что там хранилось, поняла свою ошибку – столько мне не съесть, даже если всю неделю проведу, непрерыв-

но жуя.

Мысленно признав, что план провалился, открыла наугад один из контейнеров. На пол вывалился какой-то листок.

«Чек из ресторана?» – я подняла бумагу, которая для чека явно была слишком большой, но вполне могла оказаться счет-фактурой или чем-то подобным.

В контейнере оказалось сухое печенье, так что лист был чистым. Я пробежала по нему глазами.

«Платон, хочешь или не хочешь, а я продолжу тебе писать… Считаю дни, как закончится этот жуткий год. Как тебе печенье? Ты часто просил меня приготовить такое в детстве. Но я немного изменила рецепт. Угадай, какой там особый ингредиент.

Подсказка: он безумно полезный, каждому орку его нужно есть (тут была нарисована веселая фигурка, напоминающая орка).

Очень скучаю. Люблю. Мама.

P.S. Ответ можешь отправить обратно вместе с пустыми контейнерами, угадаешь – пришлю твой любимый торт с клубникой.

P. P. S. Торт пришлю всё равно, даже если не угадаешь».

Так вот кто ему готовит столько всего. Мама.

И, судя по всему, Платон… орк? Хм… Как-то не похож он был на орка, но, впрочем, этих существ я никогда раньше не видела, поэтому откуда мне знать, как должен выглядеть настоящий орк. Да и я сама не слишком-то похожа на пред-

ставителей собственной расы.

Еще раз просмотрела записку. Почему-то от этого короткого послания на душе заскребли кошки, а горло сдавило от накативших эмоций. Стало безумно жаль эту женщину, которая любила и ждала выздоровления сына, а он тем временем ставил на себе опасные опыты и проводил темные ритуалы за пределами особняка, выходить из которого ему, судя по всему, было запрещено.

Понять бы еще, кем конкретно запрещено. Братьями из-за состояния здоровья, или тут что-то другое? Мать пишет про год – это срок его заточения?

С другой стороны, у меня возник безумный план. А что, если самой отправить этой женщине какое-нибудь послание? Может быть, даже от лица Платона.

«Теперь, в случае чего, смогу нажаловаться на него мамочке», – фыркнула я про себя, не удержавшись от веселой мысли. Но все же вернула записку в печенье, а само печенье отставила обратно к другой еде на полку холодильника.

Мысли от матери Платона невольно перетекли к собственной.

Моя мама была ведьмой с редким даром, чьи силы связаны с луной и ее фазами. Во время полнолуния, когда звезды высыпали над морской гладью, освещая ту своим серебром, мама выходила на улицу, плести защитные чары вокруг нашего дома, стоявшего почти на самом берегу.

Я, помню, сидела рядом и завороженно смотрела, как она

танцевала вокруг костра, босые ноги порхали по песчаному пляжу в чарующем древнем танце. Папа рядом – он играл для нее на лире или флейте… Любовь к музыке я унаследовала от него.

Правда, жил он с нами не долго. Поняв, что я не унаследовала ничего из способностей его расы тритонов, он начал отдаляться и от меня, и от мамы. Какое-то время еще навещал по выходным, потом раз в месяц, раз в полгода. А потом и вовсе перестал даже писать.

Мама говорила, что для него было очень важно передать наследнику свои умения. Меня всегда удивляло, как она могла не рвать и метать, проклиная изменника, насылая на него диарею с чесоточной сыпью, а относиться философски к тому, что он просто нашел новую семью.

Так мы остались с ней вдвоём. А потом… она погибла на этом самом пляже. Ее кровь просочилась в песок, словно вода. И в ее смерти была виновата я. Если бы сразу вышла к Нику, если бы не пришла к маме за помощью в надежде, что её особый дар отменит действие сделки с Альбеску, то она была бы жива…

Смахнув непрошеную слезу, сердито захлопнула холодильник. Мама всегда хотела, чтобы я была сильной. И я буду сильной.

Наевшись до отвала (я даже не помнила, как давно так объедалась в последний раз: и первое, и второе, салат и десерт, перед которым оказалось трудно устоять), я отправи-

лась прямиком в выбранную мной комнату. Раз ночная вылазка для меня отменилась, то лягу спать.

Когда проснулась, в комнате было темно. Думала, еще ночь, но оказалось, время уже девятый час. Все никак не могла привыкнуть к тому, что в этих широтах осенью и зимой светлеет так поздно.

До того как попасть к Нику, я жила гораздо южнее, а потом год вместе с ним ездила по теплым странам близ экватора.

«Интересно, Платон уже вернулся?» – Я всегда считала, что сплю чутко, но дом был настолько большим, что в одном крыле мог бы играть оркестр, а в другом при этом была бы полнейшая тишина.

Наскоро умывшись, я оделась (надо бы спросить у Платона, есть ли тут во что можно переодеться, свое я хоть и постирала, но все равно футболка и джинсы нуждались в замене) и подошла к окну, вглядываясь в предрассветные сумерки и пытаясь по ним угадать, вернулся ли хозяин замка.

Всю ночь лил дождь, и на улице было грязно и слякотно. Дорожку перед замком сильно размыло.

Вглядываясь в осеннее ненастье, заметила подъезжающую к воротам машину.

«Снова доктор?» – Я рванула из комнаты в сторону гостиной. Если это опять специалист по аурам, мне лучше оказаться в потайной комнате с защитой. По дороге на мгновение остановилась – когда уловила шум снизу, – должно быть,

я была как раз над крыльцом.

– Платон? Это я… – голос явно не принадлежал доктору, я уже слышала его раньше.

«Мы все о тебе беспокоимся…»

Я на мгновение затормозила, оценивая ситуацию. Взгляд невольно наткнулся на огромную галерею портретов.

Четыре ряда женщин, мужчины всех возрастов, в нарядах и с прическами из разных эпох. Некоторые из них пусты – только золоченая табличка с именем внизу. Крайний портрет был подписан: «Серп Адрон».

Не давая себе времени разглядеть их всех, свернула к гостиной. Гость уже, судя по всему, поднимался по лестнице с золочеными перилами.

Неслышно юркнула внутрь уже знакомой залы, подбежала к камину, мимо настроенного агрегата «для пыток» с бесконечными рычажками, проводками, присосками и зажимами.

«Что тут Платон нажимал, чтобы вход открылся?» – Я запоздало осознала, что понятия не имею, как открыть проход, но выбирать другое место, чтобы спрятаться, было поздно.

Я принялась переставлять, двигать и дергать все, что было на полке, и, в конце концов, мне удалось – сдвинутый в сторону торчащий из стены подсвечник оказался нужным рычагом. Послышался звук сдвинувшейся стены. Я едва успела юркнуть вниз, как та, возвращаясь на место, меня чуть не придавила.

Несколько секунд дала себе отдышаться, а затем прильну-

ла к окну-зеркалу.

Не прошло и минуты, как в комнату вошел незнакомый мне мужчина. Темноволосый, со стильной короткой стрижкой. В деловом костюме, с явно дорогими часами на запястье.

– И тут нет… показалось… хм…

Он оказался похож на Платона, но черты лица были более жесткими, суровыми. Вокруг глаз залегли морщинки, несмотря на то, что мужчина был явно молод. Почему-то казалось, что глаза эти видели гораздо больше, чем доступно другим.

– Платон? – снова громко позвал он, хмурым взглядом оглядывая оборудование посреди комнаты. Вытащил из кармана телефон, прижал его уху. – Где его черти носят…

Он поднял голову, и одно мгновение мне казалось, что мужчина видит меня. Сердце пропустило удар. Но нет. Тот быстро отвернулся и направился к двери. Видимо, продолжать поиски брата в другой комнате.

Но не пришлось. Едва гость сделал пару шагов, как в дверях гостиной материализовался Платон. Обнаженный, мокрый, только пушистое белое полотенце было обернуто вокруг пояса.

– Надо же, какие гости с утра. – Платон изобразил улыбку. – Ты вытащил меня из джакузи. Знаешь, с утра пораньше в промозглую погоду так приятно понежиться в теплой ванне.

Он прошел вперед, усаживаясь на диван, закинув руки за голову. Гедонист, да и только.

– Может, оденешься? – поморщился второй мужчина.

– Дитрих, ну ты чего, стесняешься родного брата? – удивился Платон. – Ты с какой-то важной новостью? Только не говори, что меня выпускают по досрочному. Не поверю.

Он картинно приложил ладони к щекам, будто бы его очень интересовала причина появления брата. Правда, выражение лица при этом было слишком насмешливое. Кстати, ожоги после предыдущего сеанса лечения током сошли на нет. Не осталось даже следа. Кожа была чиста, если бы не я сама наносила на неё мазь, то даже не заподозрила бы неладного.

Дитрих покачал головой.

– Ты не отвечал на звонки, я решил проверить, что у тебя происходит, – он оглянулся на «орудие пыток».

– Так я мылся, – беззаботно откликнулся Платон, потянувшись всем телом. – Получается, ты стелился перед арбитрами, чтобы выбить разрешение на моё посещение, ради такой ерунды?

– Ты мылся всю ночь? – сжал зубы Дитрих.

– Ночью я спал. Гроза была, так чудесно спалось. Совсем как в детстве. Дит, прекрати меня подозревать, – тон голоса Платона потяжелел. – Куда я, по твоему мнению, денусь из этого поместья? Каким образом? Подкоп устрою?

– Из поместья ты, может, и не денешься, но…

Платон тоже глянул на оборудование, так красочно стоящее прямо посреди гостиной. После его взгляд упал на зеркало, за которым пряталась я. Не знаю, догадался ли он, что я могу скрываться в тайной комнате – но виду не подал. Напротив, взлохматил волосы, посмотрелся в зеркало правым и левым боком.

– Но что?

– Здесь что-то нечисто, – отрезал Дитрих.

– Например?

Мужчина поколебался, словно сам не был до конца уверен, а затем тихо выдал:

– Случайно уловил смутный образ, пока поднимался по лестнице.

– Ну, это не новость, ты же с завидной регулярностью видишь, как я отправляюсь на тот свет. Или на этот раз я делаю это каким-то особо экстравагантным способом? – Платон казался искренне заинтересованным.

– Там была женщина.

– Оу, – Платон захохотал. – Тогда я догадываюсь, чем мы с ней могли заниматься, док так много и в таких красках описывал, что мне может грозить от излишнего «перенапряжения», а я тут так давно «скучаю» один…

Он насмешливо выделил это «скучаю», словно бы действительно, увидь он сейчас на горизонте женщину, обратился бы в боевую форму орка и утащил бедняжку к себе в берлогу «перенапрягаться».

– Оставь юмор для другого случая. В видении тебя не было. Оно было не о тебе.

Я прильнула к стеклу, словно так могла разобрать больше. Дитрих увидел мое будущее? Я тяжело сглотнула, жаждая узнать подробности.

Платон, видимо, ждал, что брат сам продолжил. Но тот вместо этого стоял, закрыв глаза, словно вдруг надумал прикорнуть.

– И? – не выдержав тишины, спросил Платон. – Ворвался спозаранку, вытащив из ванной, обвинил непонятно в чем, теперь заинтриговал историей о какой-то женщине. Расскажешь, что за видение?

Дитрих снова открыл глаза и потер виски, покачав головой.

– Не видение, так, отрывок. Просто мелькнул рыжеволосый образ со спины… Почему-то в костюме типа того, в котором ходит Александр Анатольевич. Ну, твидовые такие. Понимаешь, о чем я? Сейчас уже и нет ничего. Просто странно, откуда бы ей тут взяться, да ещё и в костюме врача, – он задумчиво пощелкал пальцами в воздухе, а затем сделал несколько шагов в сторону каминной полки.

Я машинально оглянулась на комнату позади себя. Если Дитрих догадается проверить тайник (если он вообще знает о нем), то прятаться здесь негде.

– Рыжая в костюме? Какая-нибудь помощница нашего дока? – пожал плечами Платон, предложив объяснение.

Но я отчего-то точно была уверена, что речь шла обо мне.

– Хм… – Дит снова ненадолго прикрыл глаза.

– Что? Или ты подозреваешь, что я тут где-то под диваном любовницу прячу? – Платон скрыл очередной смешок кашлем. – Ну давай, сообщи арбитрам. Ты ведь как законопослушный гражданин обязан сообщать о таком, разве нет? Пусть придут, обыщут поместье. Или, может, сам это сделаешь? Вдруг тут и правда какая-нибудь рыжая красотка затерялась. – Он жадно облизнулся, словно бы эта мысль действительно ему понравилась. – Может, мне и самому стоит поискать.

– Хватит всё превращать в фарс, – дернул плечом Дит и, не дойдя до камина каких-то пару метров, развернулся и сел на диванчик. Мужчина кивнул на оборудование с проводами. – Я расспрашивал вчера Александра Анатольевича о том, как идет лечение…

– М-м… видимо, о том, что такое врачебная тайна, на курсах целителей тоже забыли упомянуть, – кисло прошептал Платон – я едва расслышала.

– Никаких подробностей, просто поделился, что у вас с ним разный взгляд на то, как должно проходить лечение. И судя по стоящему тут аппарату, я примерно догадываюсь, какой взгляд у тебя.

Платон тяжело вздохнул и повторил движение брата, когда он массировал виски. На мгновение они стали очень и очень похожи.

– Ты ведь не нотации пришел мне читать? – тихо откликнулся Платон. – Дит, пойми, я привык управлять, я руководил многомиллионной корпорацией, под моим началом была огромная лаборатория. Я привык всё и вся контролировать. Уж это ты должен понять. Я готов ставить опыты сам на себе, но я не готов стать чужим подопытным.

Когда он проговорил это, на лице залегла тень, он сглотнул, словно само слово «подопытный» доставило ему физическую боль.

– Тебя не просят становиться подопытным. Нужно просто довериться. Консервативное проверенное лечение, без каких-либо встрясок и стрессов для организма, – мягко ответил Дит, так же, как и я, внимательно следивший за лицом брата. – И уже меньше чем через год соберемся все вместе, устроим на Хэллоуин зеленую орк-вечеринку, помнишь, как в детстве?

– Зеленую – это уже, наверное, без меня, – покачал головой Платон. Без малейшего сожаления, просто констатируя факт.

– Не говори ерунды, ты поправишься.

Но я видела, что Дит в это сам до конца не верит.

И, тем не менее, казалось, что атмосфера в комнате стала теплее на пару градусов. Словно признание в собственном стремлении все контролировать стало первым шагом на пути к сближению братьев.

И Платон это тоже почувствовал, потому что в его голосе

вдруг появились вкрадчивые нотки.

– Слушай, насчет смертной скуки в этом богом забытом месте я не соврал, тут даже интернет не во всех комнатах ловит. Но я нашел старые записи отца…

– Мне стоит беспокоиться? – вскинул брови Дит, но на этот раз, кажется, уже без лишних подозрений.

Платон пожал плечами:

– Просто я там прочитал упоминание одного театрального шоу. А потом мне выскочил рекламный баннер с этим же самым шоу в интернете. Вот и не верь после этого, что маркетологи и рекламщики мысли читают.

Дит на это усмехнулся:

– Так кто ж их знает, хорошего маркетолога найти сложнее, чем мавку. А что за шоу?

– «Семь грехов света», как-то так, кажется.

Словно я стояла в светлой комнате, и разом выключили весь свет. Это название внушало трепет и ужас, больший, пожалуй, я испытывала, только когда слышала имя владельца театра. Нику Альбеску.

Ладони моментально вспотели, я закусила до боли губы.

– Кажется, и я что-то слышал, – задумался Дитрих. – По радио крутили рекламу.

– Вот. – Платон обезоруживающе улыбнулся. – Может, ты сходишь? Одно из представлений как раз дают завтра вечером. Возьми с собой Таю, развеетесь там. А сам посмотри на артистов, ну… своим взглядом. Вдруг заметишь что-то

необычное. Все-таки зачем-то Серп упоминал о нем в своих записях… Потом мне расскажешь?

– Если для тебя это важно…

Во рту стало солоно, кажется, все-таки прокусила губу.

– Я тут на стены от скуки лезу, Дит. А мне даже напиться нельзя, – он добавил в голос язвительности. – Доктор не разрешает. Ну или… – он пытливо прищурился, – можешь тайком принести мне мои старые дневники, если бы только мне разрешили встретиться с моим помощником из лаборатории…

– Парень под наблюдением, Платон, не подставляй вас обоих.

– Да знаю я, знаю, – картинно вздохнул страдалец.

Полотенце, кое-как закрепленное на бедрах, почти съехало в сторону, но Платона, кажется, это ничуть не смущало.

Они проговорили еще минут пятнадцать, пошутили о чем-то своем, и Дитрих ушел, кажется, вполне успокоенный. Платон еще какое-то время смотрел в сторону двери, затем встал, подошел к окну, видимо, проверяя, уехал ли брат.

Полотенце окончательно сползло с него, открывая обнаженную заднюю часть, я резко отодвинулась от стекла.

«Он в любом случае будет считать, что ты пялилась».

Платон поправил полотенце и, вздохнув, подошел к камину.

– Вылезай, – сказал строгим учительским тоном, дернув за рычаг.

Проход открылся, выпуская меня наружу.

– Как ты догадался, что я внутри? – Я вышла и смущенно опустила взор, чтобы немного скрыть неловкость момента.

Надо сказать, что Платон был хорош. Рельефное тело, выступающие бугрящиеся мышцы. Каждая вена выписана будто синими чернилами по коже. Их можно обвести пальцем, прочертить словно дороги по карте. Не огромный, не гора мышц – но сложен хорошо. Он высох после джакузи, но волосы, всё ещё влажные, вились на кончиках. Если бы не это чертово полотенце, так и норовящее открыть чуть больше, чем требовалось, я бы даже засмотрелась на него. Просто так, безо всякого тайного умысла. Если человек – или орк – красив, то это сложно не отметить. Этим сложно не любоваться.

– Я предположил, что ты поступишь как умная девочка, – пожал плечами Платон; я так и не поняла, знал он или просто ткнул наугад. – Кстати, на будущее: ты можешь открыть тайник сама, если нажмешь на выступающий камень в стене возле окна.

– Ага, спасибо. Слушай… – я закусила губу. – Вообще-то я собиралась на тебя ругаться.

– Да ладно? – иронично изогнул бровь.

– Да. Пожалуйста, в следующий раз рассказывай мне всё заранее. Например, если хочешь уйти, так и говори: «Я пойду один».

– Мне казалось, это очевидно. Никто ведь не обещал об-

ратного. Давай лучше мы поступим наоборот. Если я соберусь брать тебя, то так и скажу: «Мы идем вдвоем». Не все мои тайны тебе следует знать. Но я обещаю посвятить в те, которые могут коснуться тебя саму.

– Договорились, – нехотя согласилась я.

Кажется, нагота его не смущала. По крайней мере, Платон не попытался хоть как-то её скрыть. Так и стоял напротив, с интересом вглядываясь в мое лицо. Уж не знаю, что он там хотел увидеть – но на всякий случай взгляд я отвела и ещё раз убедилась, что матирующая магия лежит плотно. Моего истинного облика он не различит.

Не только у него есть секреты, в которые лучше не погружать чужого человека.

– Ты сказала, что *собиралась* ругаться, – уточнил мужчина. – Что изменилось?

– Я услышала про «Семь грехов света», – сглотнула, слова тяжело продирались сквозь осипшее горло. – Ты действительно увидел рекламу, или…

– Нет. Я спросил своего знакомого про Нику Альбеску, – покачал Платон головой и двинулся из гостиной; мне пришлось идти следом. – Как ты умудрилась перейти дорогу древнему вампиру?

Спина его тоже была хороша, широкая, мощная. Я старалась не смотреть ниже, туда, где талия обрывалась за полотенцем. Слишком уж волнительным и запретным было зрелище.

Думаю, от женщин у него отбоя не было. Раньше, до вынужденного заточения в поместье. Надеюсь, он всё же соврал и ему не требуется срочно снять «напряжение».

– Не специально, – буркнула я.

– Слушай, если ты хочешь, чтобы я помог, тебе придется рассказать правду, – отрезал он, не оглядываясь. – Я не готов рисковать своей шкурой ради той, которая не только скрывает собственную внешность, но и бежит от сына Арджеша.

Он попал в цель. Я застыла на месте, дотронулась до кожи, вновь проверяя наличие чар. Щеки залило краснотой, но магия держалась крепко.

Когда он мог увидеть?

Тогда, у ворот? Ему хватило какой-то жалкой секунды, чтобы рассмотреть моё лицо?!

Платон довольно хмыкнул.

– Значит, мне не показалось.

Так он не знал наверняка?! Боги… Я сама себя сдала. Осознание, что я совершаю ошибку за ошибкой, заставило пошатнуться, вдохнуть и выдохнуть сквозь силу. Впредь нужно быть хитрее. Нельзя так запросто доверять любому брошенному слову.

Однажды это может стоить мне жизни.

– Марьяна, – позвал мужчина, обернувшись. – Перестань бояться. Я не прошу тебя снимать магию. По правде, мне абсолютно плевать, что ты прячешь. Даже если ты огромная беззубая троллиха, я не огорчусь.

– Вот и хорошо, – эхом откликнулась я. – Эй, я не троллиха! Почему вообще троллиха?!

Вообще-то даже обидно стало.

Платон явно был удовлетворен такой реакцией – потому что я перестала панически дышать через раз.

– Да так, вспомнилось что-то, – неоднозначно ответил он, потерев бок. – В любом случае, свои обещания я всегда выполняю. Я отдал твою бумагу своему информатору. Он обещал найти всё, что сможет. Я не требую раскрыть мне твою подноготную – потому что и сам не собираюсь этого делать. Но если мы хотим сотрудничать, то должны быть честны хотя бы в тех вопросах, что касаются нас обоих. Я очень рискую, прося брата пойти на шоу Альбеску. Ты же это понимаешь?

Мне оставалось только отрешенно кивнуть.

Он прав. Этот мужчина дал мне кров и какую-никакую защиту. Он не лезет в моё прошлое. Он даже попытается найти моих родственников. Он уже сделал много больше, чем все до него.

Меньшее, что я могу сделать в ответ – помочь ему и быть честной.

– Я всё тебе расскажу. Но давай, кхм, немного в другой ситуации, – я обвела взглядом его полуобнаженное тело.

– Согласен, – устало ответил Платон. – Я и сам бы сейчас не отказался поспать. Перенесем разговор на потом.

Он толкнул одну из дверей. Я услышала шум льющейся

воды. Не похоже что-то на джакузи. Обычная ванная комната с крупной ванной в углу. Скомканная одежда валялась на полу кучей.

– Ты давно вернулся? – перевела опасный разговор, чтобы хоть ненадолго отпустить воспоминания про Альбеску. – Я не слышала, как ты пришел.

– Мари, я вернулся одновременно с Дитрихом и срочно окатил себя водой, чтобы история про мытье выглядела хоть как-то правдоподобно, – фыркнул Платон. – Именно поэтому сейчас я собираюсь отоспаться, как следует поесть, а уже потом обсудить с тобой Нику Альбеску. Договорились?

– Да. И… спасибо тебе.

– Как не помочь моему личному доктору, – улыбнулся Платон, подхватывая свои вещи. – А теперь, если ты не против, я бы хотел помыться… по-настоящему.

Хмыкнула, развернулась, и за спиной тут же раздался сильный всплеск. Инстинктивно обернулась – посмотреть, не замочило ли меня. А Платон, уже целиком оголившись, залез в ванную, погрузившись по самую шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.